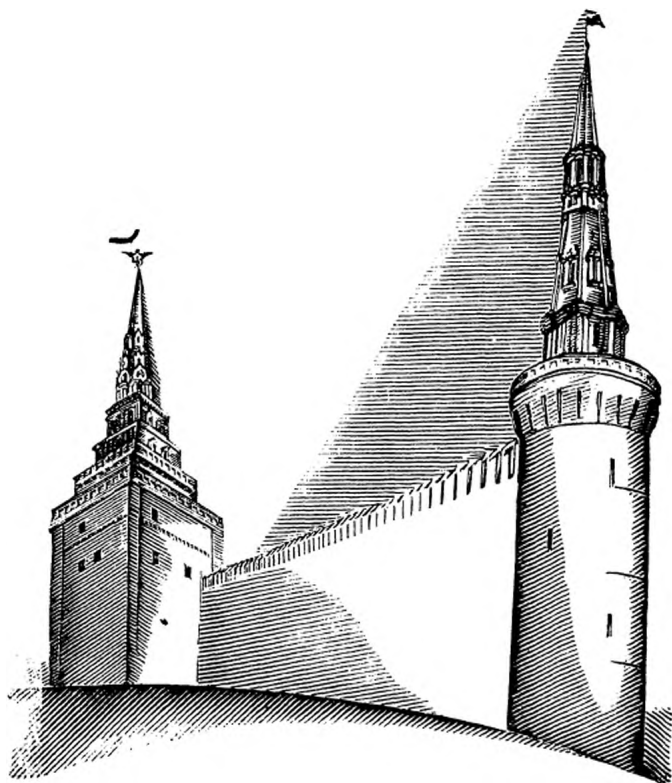

КУЛЬТУРНО ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ

НОВАЯ МОСКВА
1923

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСПУРСИИ

(Москва, московские музеи, подмосковные)

Под редакцией

Н. А. ГЕЙНИКЕ

ЧАСТЬ I-II

НОВАЯ МОСКВА
1923

Выполнено по заказу издательства „НОВАЯ МОСКВА“
Кооперативным Издательством Научных Работников.

Гл. лист № 3338.

Тираж 5000 экз.

3-й Тип. М.С.Н.Х. „МОСПОЛИГРАФ“, Маж. Грузия, Охотн. пер., д. 57

Предисловие

Выпускаемый нами сборник подводит итоги цикла работ московского семинария по культурно-историческим экскурсиям (основан в 1919 г. при О-ве „Культура и Свобода“, в 1920-22 г. состоял при Главмузее) и имеет в виду, главным образом, подвести читателя к методическим вопросам экскурсионного дела на материале разнообразных по построениям и по поставленным целям экскурсиях.

Вводная статья Н. А. Гейнике „Культурно исторические экскурсии“ дает схему основных вопросов экскурсионной методологии и методики, выставляя ряд принципов и теоретических положений. Описания отдельных экскурсий на конкретном материале развивают и обосновывают методические проблемы, выставленные в этой вводной статье.

Разнообразие построения этих экскурсий зависит прежде всего оттого, что они имеют в виду экскурсантов разного уровня, знания и развития.

Так, экскурсия С. А. Гарелиной. (Ч. I стр. 45) „Жизнь человека на русской равнине в каменном периоде“ рассчитана на школьника I ступени или на мало образованного подростка или взрослого, и с этой экскурсией очень удобно начинать экскурсионную работу.

Экскурсия Н. А. Гейнике „Культурный перелом конца XVII века“ (Часть II) требует от экскурсанта определенных исторических знаний. Экскурсию В. А. Бакушинского „Из истории античной культуры“ (часть III) можно вести с группой с достаточным историческим образованием и эстетическим развитием.

Разнообразно в наших описаниях экскурсий и использование материала.

Там, где материал этот дает бесспорные и ясные исторические наблюдения, хорошо освещен в доступной для читателя литературе, там мы не даем описания этого материала; таковы, например, экскурсии по Историческому музею. Обратно, экскурсии по Москве в большинстве описывают памятники, на которых они построены, т. е. многие из этих памятников сложны для исторических наблюдений начинающего руководителя, или же не могут быть изучены на основании литературного материала, или за его неимением, или же из-за его малой доступности, требующей кропотливых и специальных справок.

По техническим условиям книга наша разбита на 3 части. Первая содержит вводную статью, о которой мы говорили, и 5 экскурсий по Историческому музею, освещающих ряд фактов русской истории, начиная с каменного века и кончая киевской Русью.

Часть вторая построена на материале Москвы, и темы экскурсий, помещенных в ней, охватывают период с XII до половины XIX века. В третьей даны топографические экскурсии по Москве, экскурсии по подмосковным, и экскурсии по Музею изящных искусств.

Разнообразие по степени популярности экскурсии в большинстве рассчитаны на школьников, преимущественно II ступени; все они носят характер примерный и поддаются

бесконечным вариантам и по своим построениям, и в своей разработке в связи со школьными занятиями.

Могут они, однако, быть использованы и во внешкольной работе, а также и вообще лицами, интересующимися экскурсионным делом и краеведческим московским материалом.

Так составители этого сборника в своей внешкольной и школьной работе проводили эти экскурсии, варьируя их в зависимости от состава экскурсантов.

Библиография, приводимая в нашей книге ставит себе две цели: а) пополнить знания руководителя (школьного учителя или внешкольника) по вопросам темы экскурсии; б) указать специальную литературу по материалу.

Указанные научные, общие и специальные книги можно найти в читальных залах Румянцевского и Исторического музеев.

Участие в редактировании этой книги кроме Н. А. Гейнике принимали Э. К. Быковская, С. А. Гарелина, О. А. Ротберг, О. И. Яценская.

Н. А. Гейнике.

Культурно-исторические экскурсии.

Основные вопросы методологии и методики культурно-исторических экскурсий.

1.

Экскурсионное дело в России начинается не с постановки теоретических проблем, а с экскурсионной практики, именно с дальних школьных экскурсий.

К половине 90-х годов XIX в. и в столичных, и в провинциальных, казенных и частных учебных заведениях экскурсии начинают быть привычным явлением школьных казиков. Ездят из провинции в столицы, ездят часто в Крым, на Кавказ, по Волге. Есть несколько случаев поездок и за-границу. Эти экскурсионные поездки отнюдь не связаны со школьным курсом, производятся всегда в свободное от занятий время, не ставят себе сколько-нибудь ясно намеченных образовательных целей.

Едут и „осматривают“. Осматривают Кремль, непременно с Царь-пушкой и Царь-колоколом, музеи и картинные галереи, в 3 часа всю Третьяковскую галерею, и в огромном количестве, особенно казенные гимназии, соборы, церкви, монастыри во время службы, да еще по возможности при архиерейском служении. Системы в осмотрах никакой нет, страшная перегрузка материалом, пестрым и разроз-

ненным. Экскурсии в природу — Крым, Кавказ, Волга — не только выходят глубже. Общение с природой, море, горы, великие реки, захватывает молодежь, свежими волнами врывается в затхлую атмосферу школьной жизни, бодрит, заинтересовывает, поднимает.

И эти дальние школьные экскурсии, хотя и плохо, но все же двигают экскурсионное дело вперед, пропагандируя идею, если не педагогической ценности, то интересности и осуществимости подобных экскурсий.

Общее оживление школьной жизни со второй половины 90-х годов, стремление культурных слоев русского общества создать школу, близкую жизни, организация частных и общественных учебных заведений вне полицейской опеки министерства народного просвещения, с урезанными „правами“, но со свободными относительно программами, стремление в методы преподавания ввести принцип наглядности вводят экскурсию в школьное преподавание и тем самым выдвигают на первый план местные экскурсии.

Тенишевское училище, гимназия М. И. Стоюпиной, лесное коммерческое училище в Петрограде включают экскурсии, местные и дальние, в общий план преподавания, как обязательную форму школьной работы, тесно связанную с курсом данного предмета в данном классе. В Москве ряд частных и общественных школ (В. В. Потоцкой, А. С. Алферовой, Общества преподавателей, Алексеевское коммерческое училище и другие) и казенная 5-ая гимназия, не вводя экскурсий непосредственно в систему классных уроков, много, однако, уделяют времени и внимания экскурсионной работе в школе, организуя разного типа экскурсии, местные и дальние, но всегда с ясно поставленной педагогической задачей. Более серьезная постановка школьных экскурсий мало по малу начинается и в провинции.

Подобная постановка экскурсионного дела тесно связана с теоретическими вопросами. На школьных советах, в педагогических обществах усиленно идет разработка этих вопросов, и в 1910 году появляется блестящая книга „Школьные экскурсии“, составленная группой преподавателей Петроградского Лесного коммерческого училища под редакцией Б. Е. Райкова. Книга эта составляет эпоху в истории разработки теоретических вопросов экскурсионного дела, пропагандируя в широких учительских кругах идею необходимости экскурсионного метода в школьной работе.

Экскурсионный тариф 90 годов, понизив в четверо для экскурсантов стоимость проезда, сильно двигает вперед практику школьных экскурсий. Экскурсионное дело растет и крепнет. В 1907 и 1908 г.г. по инициативе В. Н. Бобринской возникают в Москве две экскурсионные организации, ставящие себе целью: одна — познакомить русских учителей, преимущественно сельских и городских школ, со своей родиной — „Экскурсии по России“ при Российском обществе туристов; другая — с западными странами и их культурой — „Экскурсионная комиссия при Учебном отделе О.Р.Т.З.“ Работа этих двух тесно между собою связанных организаций вводит в круг экскурсионных интересов и проблем тысячи русского учительства с одной стороны, с другой, естественно вызывает постановку вопросов методики внешкольных экскурсий. И казенная школа ко второму десятилетию XX в. в лице ее официальных руководителей начинает втягиваться в растущую экскурсионную волну. При Московском Учебном Округе в 1910 году возникает особая экскурсионная комиссия; в 1916 г. созывается совещание директоров гимназий Округа, где официально ставится вопрос о желательности экскурсионной работы в школе на местном материале.

Революция 1917 г. с ее острой критикой старой школы, с ее стремлением слить школу с жизнью, с новым подходом к внешкольной работе открывает третий период в истории экскурсионного дела в России.

В Петрограде в широкой постановке экскурсий соперничают внешкольный отдел Петроградского Наробраза, его школьный отдел и Петроградское отделение Главмузея. Ряд выдающихся преподавателей высшей и средней школы и музейных работников с энтузиазмом отдаются экскурсионному делу, руководя экскурсионными станциями, организуя курсы для учителей, водят экскурсии, разрабатывая методические вопросы, выпуская специальные книги и журналы. В 1921 году возникает Экскурсионный институт, ставящий себе задачей разработку теоретических вопросов экскурсионного дела.

В Москве возникают семинарии (эстетический и культурно-исторический), подготовляющие специалистов руководителей и разрабатывающие методологию и методику экскурсионного дела. Главмузей за 2 года (1920 и 1921) проводит через свои внешкольные экскурсии свыше 120.000 экскурсантов, рабочих, красноармейцев, учителей, школьников; при Губернском отделе народного образования кипит экскурсионная работа, тесно связанная с краеведением; экскурсионное бюро Наркомпроса вырастает в Музейно-экскурсионный институт, собирающий к себе экскурсионные силы Москвы. Экскурсия проникает в высшую школу. Свердловский университет, университеты народов востока и запада в свои программы вводят экскурсионную работу, как одну из обязательных форм прохождения курса. В государственном московском университете открывается новая кафедра по краеведению и экскурсионному делу.

Во многих провинциальных городах в связи с организацией новых местных музеев, ростом музеев существовавших до революции, плет интенсивная экскурсионная работа.

Эпоха наша наносит тяжкий удар этой живой работе. Практика экскурсий быстро сокращается, закрывается ряд экскурсионных учреждений, редет число экскурсионных работников. Но теоретическая мысль живет, и можно с уверенностью сказать, что экскурсионный метод и экскурсионная практика за время с 1917 года окончательно стали на ноги, и экскурсионному делу предвост большое будущее и в школьной, и во внешкольной работе. Доказательством этого служат факт организации учительством экскурсионных кружков, ставящих целью экскурсионное изучение своих городов и городских районов для соответствующей работы со школьниками. Особенно сильно это движение в столицах. В Петрограде возникают подобные кружки: на Петроградской стороне, на Выборгской; в Москве — в Замоскворечьи, Хамовниках, в Рогожско-Симоновском и других районах.

II.

Первый вопрос, который нам надо решить, — что такое экскурсионный метод?

По этому вопросу среди методистов и в настоящее время нет полного единства. Одни выдвигают моторное восприятие как основной, даже единственный признак экскурсионного метода. Другие считают, что самостоятельность экскурсантов, их научно исследовательский подход к объектам экскурсии составляет сущность данного метода; поэтому истинные экскурсии — экскурсии „исследовательские“, говорят сторонники этого направления.

Я полагаю, что подобные точки зрения — крайности, и думаю, что сущность экскурсионного метода определяется не одним только признаком, а рядом характерных особенностей этой формы школьной и внешкольной работы.

Первое место в экскурсии играет зрительное восприятие, умение видеть то, на что смотришь. Экскурсионные объекты —

геологические отложения, флора или фауна, памятники монументального города, пейзаж, музейные предметы, картины и другие произведения искусства, все они прежде всего воспринимаются нашим зрением. Это умение „видеть“, эта, зрительная грамота дается современному человеку с большим напряжением. Ведь вся наша современная образованность носит книжный характер. „Узнать“ что-либо—это, прежде всего, прочесть в книге. Эта книжность нашей культуры отрывает нас от жизни, дает схоластический уют нашему знанию и нашему мышлению, вырывает из круга нашей умственной и эмоциональной деятельности ряд объектов внешнего мира, нас окружающего, отучая нас пользоваться могучим средством познания—нашим зрением. Мы все, в сущности, живем, как слепые. Для нас улица великого исторического города лишь проезжая дорога трамвая номер такой-то, или место, где находятся те или иные магазины или квартиры наших знакомых. Какой-либо исторический памятник—Успенский собор, например—прежде всего ряд исторических фактов, почерпнутых в книгах или в устном рассказе, но никак не сумма эстетических и исторических зрительных впечатлений, прочувствованных и осознанных.

Этой нашей слепотой в значительной степени объясняется убожество нашей современной художественной культуры. И как ярко в этой области контраст современности с нашим далеким прошлым, оставившим нам ряд памятников первоклассного художественного достоинства и в архитектуре, и в живописи—иконы,—и в прикладном искусстве!

Умение видеть, как эстетическое восприятие, сводится к умению воспринимать архитектурные массы, краски, линии всякого рода, группировки масс, красок, линий и их композиции в условиях перспективы, света, воздуха, угла зрения.

Умение видеть, как историческое восприятие, заключается в следующем. Во первых, умение найти в экскурсионном объекте типические черты и особенности историко-культурного характера. Эта задача может быть и элементарно проста, доступна для школьника I ступени—определить материал, из которого построен дом—и постепенно усложняя, потребовать от экскурсанта и серьезных знаний, и большого умения „видеть“; например в решении вопроса: по стилю определить годы постройки данного дома. Во вторых, надо уметь определять наслоения в экскурсионном объекте, сделанные временем, определить его эволюцию. Эта задача может быть также и очень простой, и очень сложной. И в третьих, наконец, надо уметь находить исторические факты в монументальных и музейных исторических памятниках—задача, всегда требующая больших знаний и навыков.

Следующая характерная черта экскурсионной работы—моторное восприятие.

Я не считаю, что этот тип восприятия является основой экскурсионного метода восприятия, потому что могут быть правильно методически построенные и ведомые экскурсии, где моторная деятельность экскурсанта будет очень на заднем плане. Таковы экскурсии с одного места, например с колокольни, где движения, как такового, нет, а есть лишь аккомодация глаза при переносе взгляда с одного предмета на другой. Но часто бывают такие экскурсионные моменты, где полное восприятие объектов экскурсии невозможно без правильно-организованного движения экскурсантов.

Чтобы школьник, изучающий начало Москвы, конкретнее и яснее воспринял размеры и характер Московского кремля XII в., недостаточно показать то место, которое занимал этот кремль, необходимо все это место обойти по линии стен древней Москвы. Эти 8—10 минут движения необ-

чайню ясно и четко дадут почувствовать и понять экскурсанта́м Москву XII века.

Другой пример. Как выигрывает в историческом понимании город или монастырь, который вы впервые видите, если к нему подойти издали пешком! Если под'ехать к Владимиру на Клязьме из Боголюбова по железной дороге и прямо с вокзала попасть в центр города, то очень трудно, а бы́ сказал, невозможно почувствовать исторические слатемые этого города. Другое дело, когда вы из того же Боголюбова идете по Владимирке пешком. В процессе вашего движения мало по малу раскрывается город. Над городом господствуют сияющие белизной соборы XII—XIII века, Успенский и Дмитровский. Ясно вырисовывается цепь холмов, вершину которых занимал древний город. Равнина, по которой вы идете, которую вы чувствуете своими ногами, говорит вам о легкости передвижения по ней, и о легкости славянской колонизации в этом крае, и о легкости набегов для татарской конницы. И все эти впечатления, полученные вами в процессе движения раскроют ряд страниц истории города, к которому вы подходите.

Чтобы экскурсанты живо почувствовали нервный и волнующий ритм барокко, предложите, стоя на месте, обвести рукой по воздуху линии барочного 'наличника, скажем, ц. Николы Большой крест. Зрительное впечатление разорванности линий, их тревоги очень усилятся от этого приема, углубится и понимание стиля, созданного бурной в религиозной области эпохой последней трети XVII века.

В области эстетических переживаний моторное восприятие иногда незаменимо.

Руководителю надо дать почувствовать торжественную мощь Московского Успенского собора. Пусть он с группой остановится у входа на соборную/площадку с южной сто-

роны, а затем не отрывая глаз от объекта восприятия, Успенского собора, медленно идет к его стенам и подходит к ним вплотную. Как бы мало ни была подготовлена данная группа к экскурсионной работе, как бы ни отсутствовали у нее художественные и исторические апперцепции, связанные с этим храмом, безразлично всякая группа — и красноармейцев, и школьников, и интеллигентов — будет потрясена мощью и торжественностью великого создания Аристотеля Фиораванти. И достигнуто это впечатление будет именно в процессе движения группы, в процессе нарастания от этого движения указанного выше впечатления.

Вы хотите показать экскурсантам богатство, полное движения и жизни, в группировке архитектурных масс ц. Покрова на Филях. Даже высоко квалифицированная группа, стоя на месте и внимательно вглядываясь, этого движения не почувствует и не поймет. Необходимо несколько раз подойти к этому памятнику и притом с разных пунктов, обойти церковь кругом по земле, подняться по ее бегущим крыльцам, обойти ее вторично, но уже по галльбищу второго этажа, словом очень много походить, и только в этом процессе движения выяснятся с полной отчетливостью для экскурсантов поставленные руководителем задачи.

Итак прежде всего, зрительное восприятие, затем восприятие моторное характеризуют сущность обычной экскурсионной работы.

Но в экскурсиях бывают моменты огромного подъема, когда экскурсант воспринимает окружающее всем своим физическим и духовным существом, всецело отдаваясь власти эстетических или исторических переживаний. Все внешние чувства человека обострены и вместе с тем объединены: и зрение, и слух, и мускульное чувство, словом все. Сила восприятия достигает предельной степени, ибо экскурсант

целиком ему отдается. Кто из участников экскурсии московских студентов в Грецию, организованной С. Н. Трубецким, не помнит незабвенной августовской ночи 1903 года, проведенной в Акрополе? Развалины Проницей, руины Парфенона не резали глаза своими ранами. И при лунном сиянии они воспринимались зрением и всем существом нашим живыми, восстановленными. Великое искусство, отражение великой культуры звучало и говорило. И поднимаясь по ступеням Парфенона мы и видели, и ощущали, и слышали Афины V века. Эстетические и исторические переживания диктовались великими памятниками античной культуры, и культура эта делалась особенно ощущаемой, родной и близкой.

III.

Перейдем к анализу сущности экскурсионного метода с точки зрения оценки работы самих экскурсантов. Метод этот отличается от метода обычного школьного урока, внешкольной беседы или лекции тем, что опирается главным образом на самостоятельность и творческую работу школьников или внешкольников, участников экскурсии. Правда, и на уроке в классе хороший учитель рядом умело поставленных вопросов, хорошим подбором материала урока стремится вызвать максимальную активность учеников. Но в конечном итоге он своими объяснениями, своим рассказом дает тон уроку, и роль ученика часто сводится лишь к пониманию и запоминанию того, что говорит учитель. Новая школа и новые методы преподавания ставят себе целью исходить из творческой активности ученика, поэтому экскурсионный метод особенно близок всему строю этой школы. Иное — лекционный метод преподавания. В лекции доминирует личность лектора, его диктатура над логическими и эмоциональными процессами слушателей, пассивно воспринимающих все, что они слышат от преподавателя.

Экскурсионная же работа дает наибольший простор экскурсанту для проявления, его индивидуальных интересов, вкусов, наклонностей, умения и приемов работы. В самом деле, экскурсанты получают задание сделать эстетические наблюдения над храмом Василия Блаженного. Один будет воспринимать этот памятник, прежде всего, как сумму живописных впечатлений, как красочное пятно, пестрое и вместе с тем гармоничное; другой почувствует богатство в группировке архитектурных масс и их динамику; третий воспримет храм, как сумму организованных линий. Один начнет процесс восприятия с усвоения деталей, а потом перейдет к целому; другой обратно воспримет храм прежде всего, как архитектурное целое, а затем уже начнет разбираться в его деталях. Иной подойдет к памятнику под углом своих исторических или художественных апперцепций, а иной отдастся непосредственным зрительным впечатлениям.

Работая над историческим материалом, монументальным или музейным, экскурсанты ведут свою работу также активно и творчески: идет, положим, экскурсия в Историческом музее со школьниками, проходящими курс первобытной культуры. Им дается задание выяснить формы хозяйственной деятельности человека на русской равнине в эпоху неолита и указываются соответствующие витрины. Руководитель стоит в стороне, а экскурсанты, разбившись на небольшие группы—этого требуют технические условия размещения изучаемых коллекций—работают самостоятельно. Затем вся экскурсия собирается вокруг руководителя, и идет обмен наблюдений и мнений, вся работа приводится в стройное целое.

Первоначальные наблюдения делаются иногда коллективно всей экскурсией, иногда небольшими группами, иногда даже, может быть, и индивидуально. Но дальнейший момент

экскурсионной работы всегда организуется сообща. Эмоционально идет усиление впечатлений и переживаний, работа логического порядка заостряется и делается особенно четкой под ударами спора или обмена мнений. Моменты высшего экскурсионного под'ема бывают именно в процессе коллективного восприятия, когда все экскурсанты сливаются в единый организм безмерно более тонкий и чуткий, чем каждый член экскурсии в отдельности. Руководитель московского экскурсионного эстетического семинария А. В. Бакушинский, делал опыты „молчаливых“ экскурсий. Он выбирал в музее несколько картин, последовательное восприятие которых выявляло определенную тему, и затем молча вел экскурсию от одной картины к другой. Общее молчание не мешало коллективной работе, все работали как один человек, и когда по окончании этой молчаливой экскурсии начинался ее разбор, оказывалось, что все переживали огромный под'ем с одной стороны, с другой же и тема экскурсии и ее детали разработаны всеми очень глубоко. Этот интенсивно и творчески работающий коллектив экскурсии подчиняет себе руководителя, дает новые импульсы его руководительской работе.

Таким образом работа экскурсантов характеризуется двумя признаками: а) активностью и б) коллективностью.

IV.

Экскурсионный метод характеризуется еще одним весьма существенным признаком: экскурсия должна быть тематична.

Можно работать с группой, учитывая все те особенности метода, о которых я говорил выше, но все же не дать экскурсии. Это в том случае, когда экскурсионный материал не представляет единого целого, не будучи объединен вокруг одного познавательного или эмоционального стержня. Такая не связанная темой работа очень близка к гадству.

к тем туристическим осмотрам, которые в таком ходу в Западной Европе и организуются особыми агентствами в роде знаменитой английской фирмы Кука. Но в нашей школьной экскурсионной практике и в настоящее время встречаются экскурсии подобного типа, когда зараз осматривается музей: тут и первобытная культура, тут и церковные древности, тут и современная живопись. Подобные осмотры могут удовлетворять любопытство экскурсанта, но характера серьезной педагогической работы они не носят.

Правильно построенная экскурсия имеет определенную образовательную цель, выявляющуюся одной или несколькими темами так, что каждый экскурсионный объект дает ту или другую сторону или черту темы или нескольких тем. Балласта в виде ненужных для темы объектов быть не должно, а сама тема должна раскрываться в экскурсионной работе последовательно и стройно:

Подводя итог сказанному, я определил бы сущность экскурсионного метода, как совокупность следующих признаков.

В основе экскурсионной работы идут зрительные впечатления, почти всегда сопровождаемые и осложняемые восприятиями моторного характера; работа экскурсанта носит активный и творческий характер; особая углубленность этой работы является следствием ее коллективности; образовательные цели экскурсии достигаются ее тематичностью.

V.

Мне остается сказать еще несколько слов относительно одной особенности экскурсионной работы не могущей однако считаться одним из признаков экскурсионного метода.

Работа экскурсанта идет в большинстве случаев (исключение—значительная группа музеев) над подлинниками, над объектами в их жизни, окруженными естественно—исторической, географической, исторической и эстетической средой,

Подлинность экскурсионных объектов, повышает качество экскурсионной работы, открывая возможность таких наблюдений и впечатлений, которые никакая копия, никакой макет и ни слепок не дадут. Объем и чувство массы архитектурного памятника, тонкость ретуши наконечника стрелы каменного века, богатство и яркость красок Малаявиинского „Ваира“, конечно, можно получить только работая с подлинниками.

Деревянный храм на фоне пейзажа русского севера, Успенский собор в архитектурном ансамбле Соборной площади, город Владимир в „Опопольщине“, окруженный с трех сторон безлесной равниной, наконец, екатерининское кресло в гостинной второй половины XVIII века бытового музея, эстетически и исторически воспринимаются яснее, значительнее и богаче, ибо мы видим здесь связь этих экскурсионных объектов с окружающей их естественной средой.

Интерес и живость экскурсии очень часто зависят от этих особенностей экскурсионного материала.

Охарактеризованные выше черты экскурсионного метода определяют его огромную педагогическую ценность. Метод этот расширяет сферу познавательной деятельности человека, вооружая его могучим орудием — зрительной грамотностью; восприятие моторное, соединенное с зрительным, углубляет эмоциональную и логическую работу человека психики. Активность работы экскурсанта в естественной обстановке, создаваемой жизнью, развивает наблюдательность, дает научную дисциплину уму, связывает школу и жизнь; тематичность экскурсии приучает к планомерности логической и эмоциональной работы *).

*) Вопрос о ценности экскурсионного метода в школьной работе превосходно разобран во вводной статье книги „Школьные экскурсии“ Б. Е. Райкова. С П.Б. 1921 г. Ст. 1—13.

VI.

Переходим к вопросу о классификации экскурсий. Всякая классификация всегда условна; условна и та, которую я предлагаю. Но смысл ее и значение определяются тем, что она помогает руководителю, во первых, более четко построить экскурсию, а во вторых, уверенно вести ее к определенной намеченной цели.

Экскурсии прежде всего можно разбить на группы по их тематическому содержанию.

Одна большая группа экскурсий—естественно—исторические: геологические, ботанические, биологические, технико-производственные и т. д.; или же „з целокупную природу“ по терминологии Д. Н. Кайгородова.

Вторая большая группа экскурсий—гуманитарные. Мостом, связывающим эти две группы являются экскурсии географические; и одни из них правильнее отнести к первой группе,—естественно—исторической, другие ко второй, гуманитарной.

Экскурсии гуманитарные имеют целью изучение деятельности человека и общества. И к этим объектам в процессе экскурсионной работы можно подойти или с точки зрения изучения явлений современной жизни—экскурсии антропо-географические (термин Н. М. Соколова); или же с точки зрения их происхождения, т. е. исторической—экскурсии культурно-исторические; или же, наконец, с точки зрения изучения человека и его художественного творчества—экскурсии эстетические.

Явления экономические, этнологические, социальные явления комплексного характера, охватывающие общие условия человеческого общежития данного момента—например, тема „город“ или тема „деревня“;—наконец, особая группа производственно-экономических экскурсий, изучающих формы

и условия человеческого труда—вот круг тем антропогеографических экскурсий.

Наша книга посвящена экскурсиям культурно-историческими, к более подробной характеристике которых мы и переходим. Выяснение закономерности исторического процесса, факт эволюции общественных форм, как основная тема этого процесса, чувство живой связи настоящего с прошлым, чувство „историзма“—вот линии и цели исторического преподавания вообще, в частности темы и задачи культурно-исторических экскурсий.

1) Одна группа этих экскурсий стремится изучить типические явления и факты исторически, дать горизонтальные разрезы этого процесса. Это экскурсии „типологические“—термин, предложенный И. М. Гревсом. Таковы экскурсии на темы: „Москва—крепость“, „Москва—посад“, „Москва—усадьба“. В любом русском городе, выросшем из средневековья можно провести подобные экскурсии: Смоленск—крепость, Нижний Новгород—посад, Кострома—усадьба. В экскурсиях этого типа выясняются типические черты русского города с одной стороны, ряд явлений закономерного характера с другой.

Так в теме „город—крепость“ выясняется роль географических условий на топографию и характер данного поселения. В теме „город—посад“ дается характеристика экономических факторов, в частности путей сообщения, создающих рост и процветание города. В теме „Город—усадьба“ может быть выдвинута или роль материала, человеческих построек, в характере и плане города, или же предметом изучения может быть удельный вес определенного класса общества, дворянства, например, оказавшего влияние на лицо данного города или его части.

Второй тип культурно-исторических экскурсий ставит

задачей обрисовать по памятникам монументального характера и музейным коллекциям те или иные исторические факты и явления. Так например, музейная экскурсия „Жизнь человека на русской равнине в каменном периоде“ дает историческую характеристику палеолита и неолита у нас в России на основании коллекции первых двух зал Исторического музея (Вып. I, стр 45). Экскурсия по Москве „Культурный перелом конца XVII века“ ставит себе задачу на основании анализа ряда архитектурных памятников, Красной площади и улицы Ильинки решить вопрос о происхождении культурной реформы Петра.

Третий тип—экскурсии „топографические“.

Термин этот я понимаю не в узком смысле изучения топографии данного поселения или местности, а в более широком, в изучении местности или поселения со всем историко-культурным материалом, в них находящимся. В экскурсиях „типологических“ и „исторических“ места, по которым идет экскурсия, ее маршрут определяются темой историко-культурного характера. Улицы, площади, весь город, по которым мы идем, интересуют нас, не как таковые, а лишь как подсобный материал для развития темы. В „топографических“ экскурсиях превалирует интерес к местности, как таковой, и маршрут определяется, прежде всего, именно местностью. Могут быть следующие варианты этих экскурсий.

Во первых, экскурсии в которых основной интерес—краеведческий. Весь монументальный материал, все комплексы группировки этого материала в данном районе, деревне и городе,—все дома, усадьбы, церкви, общественные здания, памятники, все урочища, улицы, площади, дорога и реки,—словом вселагаемые человеческого поселения служат предметом экскурсионного краеведческого изучения. В результате этой работы, систематической и длительной,

получится полная картина истории данного поселения. В школьной работе эти топографические краеведческие экскурсии с одной стороны отвечают педагогическому принципу—от частного к общему, от ближнего к дальнему, с другой же—в особенно сильной степени воспитывают у детей чувство связи прошлого с настоящим, и в третьих, наконец, могут стать отправным пунктом научной краеведческой работы.

Другой подход к топографическим экскурсиям ставит своей целью преимущественно изучение эволюции форм человеческого общежития. В историческом городе часто одна небольшая улица в процессе экскурсионной работы расскажет историю двух, трех столетий не только данного города, но в значительной степени и родной страны. Эта разнообразность топографических экскурсий, где изучается не весь встречающийся в данной местности материал, а делается выборка под определенным историческим углом можно назвать „историко-топографическими“.

Примером подобной экскурсии может служить помещенная в III-ей части экскурсии „По Остоженке“.

Третий тип топографической экскурсии—экскурсия, стремящаяся охватить данное человеческое общежитие, как целое, в его характерных особенностях, в его индивидуальности.

Небольшой город или район для этой цели можно обойти; чтобы синтетически воспринять крупное по своим размерам человеческое поселение, необходимо подняться на высоту, на купол Исакиевского собора, например, или же выбрать в самом этом поселении хотя бы небольшой маршрут, в котором концентрируется отчетливо и ясно все это поселение в целом.

Так, в экскурсии „Пейзаж Москвы“ (ч. III нашей книги) ставится задача на небольшом уголке Москвы дать общую характеристику всего города.

Следующая группа культурно-исторических экскурсий—

литературные. Здесь темой могут быть или черты из биографии данного художника в связи с обстановкой его творчества: такова экскурсия по Толстовскому музею „Юные годы Льва Толстого“, или какое-либо произведение художника, связанное местом действия с данной местностью. Такова например, в Москве экскурсия Ю. П. Денике „Война и мир Толстого и Москва начала XIX века“, где с одной стороны устанавливается живая связь романа и Москвы, с другой дается анализ художественных приемов творчества Толстого. В Петербурге над разработкой такого рода экскурсий очень много работает Н. П. Андиферов, часть работ которого опубликована *).

7) Последняя группа культурно-исторических экскурсий — историко-художественные.

Искусство глубоко и ярко отражает и материальные достижения, и духовные ценности эпохи. И историю искусства нельзя рассматривать только как эволюцию форм, логически развивающихся из форм предшествующей эпохи. Более глубокое отношение к эволюции искусства неизбежно связывает историю искусства эпохи с историей культуры, и с этой точки зрения историко-художественные экскурсии естественно входят в группу экскурсий культурно-исторических.

Такова классификация экскурсий по темам. Перехожу к классификации с иных точек зрения.

VII.

Всякая экскурсия из типов, указанных выше, может быть отнесена к категории экскурсий „простых“ или „сложных“.

„Простой“ экскурсией я называю такую, где есть одна

*) Н. П. Андиферов. Петербург Достоевского. Экс. дело. 1922 г. № 1—2. Его же статья „О литературных экскурсиях“. Б. Е. Райков „Школьные экскурсии“. Изд. II. 1921 г. Стр. 374—382.

тема, один познавательный или эмоциональный стержень.*) Это не значит, чтобы в „простую“ экскурсию не входило побочно некоторых наблюдений или переживаний. В экскурсию „Культурный перелом конца XVII века“ с темой чисто познавательного, логического характера входит момент эстетического восприятия храма Василия Блаженного. Но это не самостоятельная тема, параллельная главной. Это только прием, при помощи которого памятник этот делается близким и живым экскурсантам. Это эстетическое переживание — подсобный эпизод в развитии основной темы: понимании национальных форм архитектуры в их противоположности формам московского барокко последней трети XVII в.

„Сложной“ экскурсией я называю такую, которая содержит в себе не менее двух фактических или психологических тем. Такова экскурсия: „Пейзаж Москвы“**.)

В этой экскурсии эмоциональные переживания города, чувство города — одна тема, исторический анализ слагаемых города — другая тема, равновеликая первой. Сложность этой темы в построении ее заключается в умении найти равновесие в сопоставлении двух психологических тем, эмоциональной и логической; проведение же ее сложно тем, что нужно соблюдать большую меру и такт, переходя с экскурсантами от богатых эстетических впечатлений к суховатым историческим фактам, и обратно.

Особый тип „сложных“ экскурсий — это те, в которых соединяются темы двух или более научных дисциплин. Примером может служить экскурсия на Дьяково городище под Москвой, где темы будут взяты из геологии, географии и первобытной культуры.

*) Такого большинство помещенных в этой книге экскурсий.

**) Часть III нашей книги.

Экскурсии могут отличаться между собой по способу использования материала.

Собор Василия Блаженного в экскурсии „Москва—посад“ рассматривается преимущественно под одним углом зрения, как памятник городской культуры второй половины XVI века, как факт, иллюстрирующий начинающее развиваться денежное хозяйство. Да и весь другой материал используется в этой экскурсии не исчерпывающим образом, а под одним определенным углом зрения. Такие экскурсии я называю „экстенсивными“. Другой тип, „интенсивной“ экскурсии, характеризуется задачей, исчерпать данный памятник до конца, обследовать его с самых разнообразных точек зрения. Тот же собор Василия Блаженного можно взять, как тему специальной, „интенсивной“ экскурсии. И экскурсанты будут изучать его и как памятник нашей экономической истории, и как памятник истории военной—взятие Казани,— и как материал по изучению эпохи Грозного:—народная легенда об ослеплении его зодчих, характерная для понимания оценки народных масс и самого памятника и личности царя Ивана IV; как памятник искусства, как памятник быта—шестивие на ослати и т. д.

Психологической основой экскурсии могут быть или логические процессы—экскурсии „познавательные“ (Жизнь человека на русской равнине в каменном периоде) или процессы характера переживаний—экскурсии „эмоциональные“.

В эмоциональности экскурсии большую роль играет не столько построение экскурсии, сколько метод ее проведения, требующий от руководителя очень большого чутья в понимании психических переживаний группы. Надо сказать, однако, что культурно—исторические экскурсии редко могут дать пример чисто эмоциональной экскурсии. Обычно элемент исторического анализа на лицо. Но основной тон и истори-

ческого восприятия может быть не логическим процессом, а переживанием. И в последнем случае мы можем экскурсию назвать эмоциональной.

Экскурсии могут вестись или с целью непосредственной работы со школьной или внешкольной группой, или же с целью обучения будущих руководителей, школьных учителей, например, экскурсионному методу. Первый тип экскурсий я называю „показательными“ (подробную мотивировку этого термина я дам позднее, в главе о методике экскурсии); второй — методическими. В последнем случае процесс работы складывается из двух моментов: процесса ведения экскурсии, и непосредственно вслед за этим критического разбора метода работы экскурсантов, и руководителя. Почему выбран данный маршрут, почему введен в экскурсию, или наоборот упущен тот или иной монументальный памятник или предмет музейной коллекции; почему к этой церкви руководитель подвел экскурсию с данного пункта; удачно ли экскурсанты справились с поставленными задачами во время экскурсии. Любая „показательная“ экскурсия при соответствующем составе экскурсионной группы может вестись, как экскурсия методическая. Но можно построить культурно-историческую методическую экскурсию специального характера, где темой будет не та или иная историческая проблема, а задание методического характера.

Наконец экскурсии могут различаться по месту: экскурсии местные и краткие, занимающие $1\frac{1}{2}$ —3 часа, и экскурсии дальние и длительные, переходящие в образовательное путешествие. Последний тип в сущности состоит из ряда кратких экскурсий и экскурсионных эпизодов, объединенных вокруг одной или чаще нескольких больших тем. Книга наша посвящена экскурсиям местным и кратким, на московском материале, поэтому методических вопросов экскурсий дальних и длительных я касаться не буду.

Классификация экскурсий, которую я дал, повторяю, очень условна и ставит себе лишь одну цель: чтобы руководитель в процессе построения экскурсии и в процессе ее ведения стремился к большей чёткости и слаженности.

VIII.

Мне остается сказать еще об экскурсионных циклах и экскурсионных эпизодах.

Ряд кратких экскурсий, связанных между собою общей темой дадут цикл. Некоторые из этих экскурсий, составляющих цикл, представляют из себя самостоятельное целое; некоторые из них выигрывают в цикле, хотя и могут проводиться вне его; третьи, наконец, только и могут быть даны экскурсантам в данном цикле. „Москва—крепость“, „Москва—посад“, „Москва—усадьба“ составляют цикл „Основные грани старой Москвы“. Но каждую из них без ущерба для ее содержания можно вести в отдельности. Экскурсия на тему: „Жизнь человека на русской равнине в каменный период“, может вестись как отдельная эпизодическая экскурсия. Но лучше ее вести в цикле „Первобытная культура“, т. е. она ставит ряд проблем по эволюции первобытного общества, разрешаемых в следующей экскурсии этого цикла „Эпоха бронзы“. А вот последняя экскурсия имеет смысл только в цикле, т. е. без первой экскурсии просто будет непонятна многим экскурсантам.

В систематической школьной экскурсионной работе, в длительной экскурсии может иметь место не только строго методически построенная краткая экскурсия, но и ряд отдельных экскурсионных наблюдений и впечатлений, ряд „экскурсионных эпизодов“, как я такую работу называю. Экскурсионный эпизод может быть не только мимолетным, на лету схваченным наблюдением, но небольшой, серьезно прочувствованной или продуманной экскурсионной работой, не свя-

занной однако с темой экскурсии, которая в настоящее время проводится, и случайно появившейся в поле зрения и работы экскурсанта.

Организуется осенью экскурсия в Ростов Великий на тему: „Культура XVII века“. Конечно, вся основная работа будет вестись в Кремле, Белой палате, церкви Иоанна Богослова на Ишне. Но надо дать отдых экскурсантам, и руководитель организует поездку на пароходе по озеру Неро в Поречье. Чтобы не скучать 2—3 часа, пока пароход стоит у пристани, экскурсия идет на сушильный завод и знакомится с сушкой овощей—важным промыслом жителей ростовской округи. Вот это посещение завода на фоне темы „Культура XVII века“ будет экскурсионным эпизодом, который потом в школьной работе может быть использован в связи, например, с рядом производственных экскурсий.

Особенно часто эти экскурсионные эпизоды вкрапливаются в дальние экскурсии, когда хочется не упустить какой нибудь замечательный памятник только потому, что он не входит в темы разрабатываемых экскурсий. Огромную роль они играют в школьном преподавании, где самостоятельную экскурсионную работу школьников лучше начинать с постановки отдельных наблюдений, еще не носящих характера „экскурсии“ в точном значении этого слова, т. е. с экскурсионных эпизодов.

IX.

Перехожу к методике экскурсионной работы.

Методика эта сводится к решению трех вопросов: 1) подготовка руководителя к экскурсии; 2) ведение экскурсии; 3) подготовка экскурсантов к последующей разработке с ними полученных на экскурсии материалов.

Подготовка руководителя заключается в изучении и выборе материала и определении темы экскурсии. Остается

решить, что должно предшествовать: работа над материалом или выбор темы. При построении лекции прежде всего твердо определяется тема, затем подбирается необходимый материал, литературный, или иллюстративный. В экскурсионной подготовке дело обстоит иначе; там материал доминирует над темой, определяет ее. И работа руководителя может быть построена двояко. Или он знакомится и изучает экскурсионный материал в тех рамках, в которых он предполагает работать с экскурсией: коллекции ряда зал музея, монументальные памятники города, скажем Владимира, куда он собирается вести экскурсию, тот или другой район Москвы; материал этот и наметит экскурсионные темы. Или же предварительная работа может идти несколько иначе. Руководитель в общих чертах намечает тему, отправляясь ли от своей школьной работы или исходя из тех сведений, которые у него имеются, положим о том же Владимире. Затем он едет в данный город, обходит предполагаемый для экскурсии район, посещает музей и изучает непосредственно материал. Изучение это может заставить его отказаться от намеченной темы, видоизменить ее, расширить или сужить, искать наконец, нового в новых местах материала, если построение экскурсии на данную тему ему очень важно. Вам надо построить экскурсию на тему „Вельможная Москва“. И вы начинаете изучать материал там, где ваша школа, между Остоженкой и Поварской в дворянском секторе Москвы. Отдельные памятники половины и конца XVIII века вы найдете, но их мало, они разрознены и вам после изучения этого района станет ясно, что ни выбрать маршрута, ни построить логически или эмоционально вашу тему на данном материале нельзя. Придется начать изучать материал в другом конце Москвы, в районе Гороховой, Басманной, Лефортова. И этот материал скажет руководителю, что в том районе построение

задуманной темы возможно, хотя, быть может, не по тем линиям, о которых он думал предварительно.

Материал культурно-исторических экскурсий разделяется на две большие группы: монументальные памятники и музейные коллекции.

Материал первого рода особенно в большом количестве содержит в себе города, как узлы человеческого общежития. Перечислим примерные рубрики.

I. Слагаемые города. 1) первичные: а) дома, б) усадьбы (двор), в) церкви, г) торговые помещения, д) общественные здания.

2) комплексы этих слагаемых: а) улица, (переулок, проезд, тупик), б) перекресток улиц, в) площадь, г) район.

II. Город, как целое: а) топография, б) план, в) пейзаж города, г) лицо города.

Указания на конкретных примерах, как разрабатывается этот материал, читатель найдет на последующих страницах этой книги в описаниях отдельных экскурсий.

Музейный материал подразделяется на: а) коллекции по доисторической археологии; б) коллекции музеев быта; г) произведения искусства—картина, скульптура; д) слепки (Музей изящных искусств¹, копии, макеты и т. п.

Работа над монументальным и музейным материалом сводится к двум последующим моментам. Сначала идет изучение эмоционально и аналитически самого матерьяла, как путем непосредственных наблюдений, так и штудированием соответствующей литературы. Затем идет отбор матерьяла, необходимого для развития намеченной, или лучше сказать подсказанной матерьялом темы. Наблюдения над матерьялом должны предшествовать изучению литературы о нем. При таком построении подготовки к экскурсии, руководитель не получит предвзятых точек зрения, продиктован-

ных ему этой литературой, и ему легче будет ориентироваться в том, какие непосредственные впечатления получают экскурсанты во время экскурсии.

Когда изучаешь материал, необходимо отобрать его так, чтобы не было лишнего балласта в экскурсии, так чтобы намеченная тема разворачивалась последовательно и стройно. Работа эта тесно связана с определением маршрута. Маршрут не должен утомлять экскурсантов своими размерами, в нем не должно быть больших переходов без всякого экскурсионного материала, в нем особенно тщательно должен быть обдуман начальный и заключительный моменты. Маршрут очень удачно начинать с такого пункта, где зрительные впечатления сразу вводили бы экскурсанта в тему предстоящей экскурсии. Таков, например, отправной пункт маршрута экскурсии „По Остоженке“ — Крымская площадь. Но интересно также построить маршрут и начать экскурсию, казалось бы, со случайного пункта, с того места, дома, усадьбы, улицы, где экскурсанты живут, учатся, остановились. Здесь экскурсантов заинтересует и создаст нужное для экскурсии настроение тот факт, что ежедневно видимые памятники, такие будничные, безличные и, казалось бы, молчаливые начинают говорить, говорить много и интересно. В этом случае тема экскурсии выясняется постепенно. Очень ответственен и конец маршрута, последние экскурсионные впечатления. Здесь надо остановиться на таком пункте города, чтобы экскурсанты почувствовали закругленность темы, подвели итоги, опираясь на материал заключительного момента экскурсии. Особенно хорошо в городе заканчивать экскурсию красивым и значительным по содержанию видом.

Работа над музейным материалом также сводится прежде всего к его изучению, зрительному и литературному, а затем

к его отбору и составлению маршрута. Последнее диктуется тем, что наши музеи свои коллекции располагают или по тому или иному научному принципу, или же часто являются не столько музеями, сколько складами музейных предметов. Для целей же популяризации приходится очень свободно пользоваться музейными коллекциями, переходя из зала в зал, от одной витрины к другой. Составление маршрута в музее поэтому,—ответственная работа, имеющая целью дать ясное изложение и последовательное развитие темы.

X.

V Разберемся в вопросе, как надо вести экскурсию.

Мы говорили, что сущность экскурсионного метода диктует активный и творческий подход экскурсанта к экскурсионным объектам, и что зрительное восприятие является восприятием основным. Стало быть, роль руководителя экскурсии принципиально иная, чем роль лектора: лектор „рассказывает“, руководитель „показывает“. На этом понятии необходимо остановиться подробнее. „Показать“ какой-либо экскурсионный объект, значит подвести экскурсанта к нему с такого пункта или с таких пунктов, где характерные и нужные для темы особенности данного объекта особенно четко выявляются, улавливаются глазом экскурсанта, воспринимаются его психикой. Если показывается какой-либо архитектурный памятник и хочешь, чтобы экскурсанты восприняли основное явление искусства архитектуры, группировку масс, то не следует подходить к памятникам en face, ибо тогда восприятие будет плоскостным и живописным, а отнюдь не архитектурным. К памятнику надо подойти сбоку, так, чтобы его трехмерность была ясна. К храму Василия Блаженного нельзя подойти в утренние часы солнечного дня со стороны Исторического музея, т.-е. с севера; сильное освещение убьет трехмерность памятника, потянет его краски,

сотрет линии, сделает его почти силуэтом. Один архитектурный памятник для полноты восприятия должно смотреть с одного, определенного пункта: дом Хрущевых на Пречистенке, как архитектурный ансамбль, виден только с западного угла Пречистенки и Всеволожского переулка. Другой памятник понимается только в процессе движения, в процессе моторного восприятия: Успенский собор, пример которого я уже приводил; или другой пример: чтобы почувствовать ритм кругового движения храма Василия Блаженного, необходимо его обойти кругом.

Если я хочу показать город Москву, как явление экономическое, я поведу экскурсию на колокольню Симонова монастыря; если мне нужно дать Москву—город, как концентрированный узел человеческого общежития, как человеческий муравейник, я поведу экскурсию на крышу 3-го дома Советов (б. Нирензе в Гнездиновском пер.): если же надо дать экскурсию Москву—город, полный борьбы между городом средневековья и городом торжествующего капитализма, то я пойду с экскурсантами на колокольню церкви Никиты мученика, что в Гончарах.

Чтобы показать экскурсентам экономическую мощь Ростовских митрополитов XVII в., нельзя ограничиться обзором музея Белой палаты Ростова Великого; необходимо обойти стены митрополичьего кремля, осмотреть все башни и храмы. Этот полутора-двухчасовой обход лучше всякого рассказа дает понятие об экономической силе Ростовского владыки.

В понятие „показыванья“ иногда входит и учет времени дня, с бытовой стороны, когда можно вести ту или иную экскурсию. В экскурсии „Культурный перелом конца XVII в.“ нельзя вести группу по Ильинке между 11 и 5 часами: толпы биржевиков и спекулянтов, обозы ломовиков с товарами, мчащиеся автомобили все это не только технически затруд-

иает ведение экскурсии, но создает полную невозможность вызвать в экскурсантах образ Москвы XVII в. Обратно, эти же часы торгового оживления Китай города, очень нужны в экскурсии „Торговая Москва“, т. к. эта напряженная жизнь в эти часы „города“ как нельзя лучше подходит к данной теме. А технический вопрос можно решить, дав указания экскурсантам на Красной площади, в каком направлении они должны вести наблюдения.

Руководитель должен следить, чтобы в тему экскурсии не вклинивались об'екты, хотя и встречающиеся на пути, но далекие от нее. Поэтому в технику „показыванья“ входит иногда и отвлечение внимания экскурсантов от подобного об'екта. Достигается это или путем разговора, который завязывает руководитель или же привлечением внимания экскурсантов в другую сторону. Бывают случаи, когда этот врезающийся в экскурсию предмет неумолимо привлекает внимание экскурсантов, как например ларцы в теремах. Тогда руководителю надо самому сразу же удовлетворить естественное любопытство группы, и затем перейти к разработке экскурсии.

Выбор маршрута очень связан с методом показыванья. И во время экскурсии руководителю иногда приходится вносить в него изменения, учитывая степень утомленности группы и сокращая и упрощая его. Ведь важно, чтобы экскурсионная работа все время шла живо и увлекательно, чтобы каждый экскурсионный об'ект давал то, что он должен был дать. Перегрузка экскурсантов экскурсионным материалом должна быть отнесена за счет уменьшения показывать.

XI.

Когда экскурсанты изучают данный памятник, руководитель должен давать minimum наводящих вопросов и стремиться к тому, чтобы среди самих экскурсантов возник

живой обмен мнений, сформировалось коллективное переживание и наблюдение.

Наиболее часто встречающаяся ошибка руководителя сводится к тому, что он не столько показывает экскурсионный материал, сколько рассказывает о нем, т.-е. гасит самостоятельную работу экскурсантов, превращая экскурсию в лекцию с иллюстрациями.

Но рассказ все же может и должен иметь место в следующих случаях.

Не все данные относительно того или другого памятника можно получить путем экскурсионной работы. А сообщение этих данных имеет существенный смысл в развитии темы. Так, например, даты времени постройки всех церквей, изучаемых в экскурсии „Культурный перелом конца XVII в.“, совершенно необходимы для сущности темы, для того, чтобы учесть, до Петра или после него в Московском государстве стало заметно сильное западное влияние. В той же экскурсии биография западника конца XVII века, боярина Артамона Сергеевича Матвеева, рассказанная руководителем у его могилы, служит основным мотивом, почему в маршрут этой экскурсии введен заход на монастырь церкви Никола Столбного, заход, крайне важный для углубления и развития темы данной экскурсии.

Другой случай, когда рассказ вполне целесообразен, это тогда, когда экскурсионный материал требует дополнений. Возьмем терема. Варварство Тона и его сотрудников искажило их облик, безжалостно стирая следы XVII в. А у нас тема „Быт XVII века“. Выход один. Дополнить и даже в некоторой степени переработать зрительные впечатления экскурсантов, усиливая одни, ослабляя другие, убивая безвкусную современность, воскрешая красочную и сочную бытом старину. В таких случаях особенно хорош рассказ

по методу „живого слова“. Аппелируя к эмоциональной стороне психики слушателя, метод живого слова дает образы, зримые и слышимые, позволяющие населить эти терема и своеобразной обстановкой XVII века, и живыми людьми той эпохи. Такой рассказ, умело проведенный, захватит экскурсанта, даст зрительное впечатление далекой старины и тем самым достигнет и очень конкретного, и очень проникновенного понимания темы.

Особую роль рассказ руководителя имеет тогда, когда экскурсия построена на памятниках искусства. Культура эпохи проходит пред экскурсантом, преломленная в индивидуальности художника, творца данного памятника. Необходимо расширить культурную базу рядом картин эпохи — опять-таки и здесь особенно драгоценен метод живого слова — углубить ее понимание, и на этом культурно-историческом фоне обострить впечатления и от самого памятника. С подобным приемом рассказа можно познакомиться в экскурсии „Культура эпохи возрождения“ (часть III нашей книги).

Рассказ может быть иногда заменен чтением подходящего отрывка. Так в экскурсии „Быт скифов на юге России“ (ч. I), читается отрывок из Геродота.

Моменты рассказа или чтения, умело расположенные в процессе ведения экскурсии, дают глазу экскурсанта отдохнуть, чередуя моменты различных приемов работы.

XII

Методы и приемы ведения экскурсии, указанные выше, относятся к тому типу экскурсий, когда группа в целом непосредственно работает под руководством своего руководителя. В школьной практике (во внешкольной это почти невозможно) экскурсионная работа может быть построена несколько иначе. Если, положим, данный класс ведет

систематическую экскурсионную работу, приобрел необходимые навыки в этой работе, то можно разбить всех экскурсантов на несколько групп и дать каждой из них самостоятельное задание. Когда это задание будет сделано, весь класс собирается под руководством учителя и коллективно прорабатывает полученные впечатления и наблюдения. Этими самостоятельными группами или даже в одиночку работа в очень квалифицированной по своему составу экскурсии может принимать характер исследования научного порядка, а сама экскурсия принимает характер научной экспедиции.

Сторонники „исследовательских“ экскурсий, как единственной истинной формы экскурсий, отрицательно относятся к тому типу „показательных“ экскурсий, характеристике работы которых посвящена эта статья.

Я не согласен с этой точкой зрения. И экскурсии „показательная“, и экскурсии типа экспедиции, „исследовательская“ опираются на одни и те же методы работы. Умение использовать зрительно-моторное восприятие является основой работы в том и другом случае и над монументальными памятниками, и над музейными коллекциями. И отличие этих двух приемов экскурсионной работы приходится на степень самостоятельности работы экскурсантов и степень коллективности этой работы. Если экскурсия „исследовательская“ активность и творчество участника экскурсии в отдельных квалифицированных случаях доводит до степени работы научного типа и тем самым является шагом вперед по отношению к экскурсии „показательной“, то последняя, организуя работу в предельной степени коллективно, достигает в некоторые моменты такого эмоционального и умственного подъема, который совершенно недоступен экскурсии типа „исследовательского“.

Называть же обе формы экскурсионной работы „исследова-

нием — решительная пятажка, т. к. активная работа и исследование научного типа далеко не одно и то же.

XIII

Вопрос о подготовке школьников к экскурсии и последующей разработке полученного материала, сделанных наблюдений, полученных впечатлений тесно связан с общими вопросами преподавания истории и обществоведения, и вне этих рамок едва ли может рассматриваться. Необходимо только подчеркнуть одно бесспорное положение: экскурсионная работа в школе должна органически сливаться со всей школьной работой. Характер предмета, курса, состава и уровня развития учащихся определяют место экскурсий и их формы в общей линии занятий по данному предмету или по группе предметов. Экскурсия может быть отправным моментом для начала той или иной главы или части курса. Таковы, например, экскурсия „Жизнь человека на русской равнине в каменном периоде“, которой можно начать отдел обществоведения, посвященный первобытной культуре. Но та же экскурсия может быть введена в процессе изучения этого отдела. В этом случае вести ее придется иначе, учитывая те апперцепции, которыми данные школьники располагают с одной стороны, с другой, принимая во внимание дальнейшую школьную работу по первобытной культуре. Наконец все та же экскурсия может быть поставлена в системе преподавания, как заключительный момент при прохождении данного отдела, как его повторение и углубление*); в этом случае экскурсия должна вестись учителем иначе, опираясь на проработанные и систематизированные знания его учеников.

*) А. В. Вакунинский. Исторические экскурсии, как способ углубления и повторения курса (Эск. Вест. 1916 г. 1--2)

Полемика по вопросу, когда надо в курсе вводить экскурсии, правильное перенести в плоскость, как их надо вести в том или другом случае. А вопрос этот — глава из общей школьной методики, и я поэтому в данной статье разрабатывать его не буду.

То же можно сказать и о внешкольных экскурсиях, где решение о подготовке экскурсантов и разработке ими и углублении полученных знаний и впечатлений может быть решен в тесной связи с общими задачами данного типа внешкольной работы.

XIV

Чтобы иллюстрировать выставленные мной методические положения, чтобы показать, насколько эстетическое восприятие экскурсионного объекта, который одновременно является и памятником искусства, и памятником быта, тесно связано с восприятием историческим, в этой заключительной главе я дам разбор дома б. Хрущевых, создание великого архитектора начала XIX века, Доменико Жилярди*). Первой задачей экскурсионной работы над этим памятником будет решение вопроса, как *показать* архитектурный ансамбль, т. е. выбрать пункт или ряд пунктов, откуда можно вполне ясно дать себе отчет в замысле архитектора. Дом расположен на узкой улице, занимает (вместе с садом) с фасада целый квартал, и есть только одно место, с которого можно увидеть дом, как архитектурное целое. Это тротуар в западном углу перекрестка Всеволожского переулка и Пречистенки. Надо стать так, чтобы угол противоположного дома (на углу Хрущ. пер. и Пречист.) не закрывал парадного крыльца Хрущевского дома, не вводя в поле зрения однако монотонного и бесстильного фасада флигеля по переулку.

* Угол Пречистенки и Хрущевского переулка.

Перед нами ясно намечаются три части архитектурного ансамбля. Центр—фасад по Пречистенке, влево более тяжелый (парные колонны, тупой угол фронтона) фасад дома по Хрущевскому пер, вправо замыкающий линию ограды сада небольшой флигель. Флигель этот—необходимая часть архитектурного целого. Стоит закрыть его рукой, как убеждаешься, что правая сторона дома как то обрывается. Общее впечатление от распределения архитектурных масс—их уравновешенность, их гармония. Тяжелый фасад Хрущевского переул-ка непосредственно примыкает к центральному фасаду, но его большая тяжесть уравновешивается небольшим флигельком справа, заканчивающим длинный рычаг садовой ограды. Таково горизонтальное распределение масс. В вертикальном направлении базой, подставкой всего здания выделяется каменный фундамент; темный серокоричневый цвет его подчеркивает его тяжесть. Центральные части фасадов по улице и переулку выделены колоннами, вертикальные линии которых облегчают и вытягивают в высоту эти фасады; окна, очень удлиненные с преобладанием также вертикальных линий переплета, в меньшей степени, но достигают того же эффекта. Мезонин центрального фасада по Пречистенке с острыми углами крыши делает фасад этот выше и легче. Впечатление простоты всего здания достигается прежде всего простотой архитектурных масс: куб дома, цилиндры гладких колонн, простые призмы фронтонов. Линии: прямая, или окружность. Окраска, соединение светло-желтого и белого тона, также ясна и проста.

Рассмотрим детальнее фасад по Хрущевскому пер. Перейдем для этого в переулок и станем напротив дома, на тротуаре шагах в 30 от угла Пречистенки. Первое впечатление—фасад по переулку сделается легче, чем он казался нам ранее с другого места: исчез контраст более легкого

центрального фасада. Фундамент по переулку кажется исключительно тяжелым благодаря тому, что он выступает из основной массы здания, образуя балкон. Колонны, окна (левое особенно) тянут здание вверх. Выделяется центральная часть и благодаря своим колоннам, и благодаря нарочито утяжеленным рустовкой (рисунок крупных камней) боковым частям фасада: — принцип контраста. Контрастирует также с вертикальными линиями колонн центра горизонтальный орнамент (тондо с жезлами) с боков.

Железная решетка балкона, простая и ясная как кружево по рисунку, с одной стороны оттеняет тяжесть фундамента, облегчая верхние части здания, с другой усиливает общее впечатление его уравновешенности и гармонии его статики. Последнее впечатление от всего здания так сильно, что не сразу заметишь непропорциональность правой и левой стороны фасада. И лишь грубая безвкусица зеркального окна (крайнее правое) и недопустимый в ампирином доме рисунок переплета средних окон — позднейшие переделки — нарушают общее впечатление гармоничности и уюта.

Переходим к культурно-историческому анализу дома и усадьбы.

Кому принадлежит этот дом? Общий его вид — стиль его, герб на фронтоне Пречистенки не оставляют сомнений, что это дом дворянский. Его большой размер, его парадность и пышность, огромная площадь усадьбы указывают, что его хозяин из среды богатого дворянства. Присмотримся к дому ближе. Полуподвальный этаж из тесанного камня: это ясно видно. Наблюдение над расстоянием оконных рам в первом этаже дает нам вывод, что дом деревянный. Облупившаяся штукатурка крыльца обнаруживает, что крыльцо строено из кирпича. Присмотримся к окнам полуподвала. Рисунок рам начала XIX века. Рамы не глухие, а створчатые. Стало быть, этот

полуподвал жилой. Очевидно, он занят был крепостной дворяней. В нем много комнат, полутемных, низких, холодных—стены из камня: дворня многочисленна: не один десяток человек живет там. Над полуподвалом фундамента, в 1 этаже—окна на улицу и в переулочек—расположны парадные комнаты барского дома. Они огромны по размерам—это видно,—очень высоки, комфортабельны и, очевидно, прекрасно обставлены. Большие парадные комнаты—много гостей—это черточка дворянского быта. Эти два этажа барского дома ярко рисуют социальные отношения. Дворянство живет, пользуется материальным благополучием на фундаменте крепостного права. Но почему этот барин, пригласив знаменитого архитектора для постройки дома, выстроил свое жилище из дерева? Это опять черта быта. Привычка жить в деревянном доме усадьбы становится традицией, переносится в городскую обстановку. Кроме того, в тогдашнем обществе господствует убеждение, что в деревянном доме жить здоровее, чем в каменном, убеждение не осознанное, но при тогдашнем отсутствии вентиляции правильное, ибо дерево легче пропускает наружный воздух, чем кирпич (форточка одного из окон—современного происхождения). Крыльцо построено каменным из соображения безопасности на случай пожара: деревянная Москва постоянно горела.

Пройдем по переулочку вглубь до ворот Хрущевского дома. Полуколонны, арка над воротами говорят нам о том, что ворота построены одновременно с домом. О том же говорят и характерные полукруглые „ампирные“ окна здания налево от ворот—конюшни. Число окон с переулочка 13 и еще—мы входим во двор—4 со стороны двора. Стало быть, в конюшню не менее 17 стойл для лошадей. Над конюшней сеновал. Рядом огромный каретный сарай с трамвая растворами. И любовь к лошадям—своего рода

дворянская традиция—и огромные московские расстояния, одинаково требовали большого выезда. Напротив конюшни двухэтажное здание. Нижний этаж, очевидно, кладовые, верхний с маленькими окошечками—жилое помещение. Оно лучше конечно полуподвала под домом, где жило большинство дворовых, и в нем помещалась аристократия двора: берейтор, ключница и т. п. Но кем же занят был огромный каменный двух-этажный флигель, тянувшийся по переулку от главного дома до ворот? Доживающий свой век гувернер француз, канцелямейстер крепостного оркестра—вольный человек—приживальщики и приживалки из дворян, гости, приехавшие на всю зиму из деревни—вот население этого флигеля. Четыре этажа главного дома, выходящие на двор, и невысокие сравнительно с парадными комнатами передних фасадов заняты семьей Хрущевых: детьми, гувернантками и гувернерами, ближайшими родственниками.

Итак этот дом с несколькими десятками человек его населения насчитывает четыре социальных слоя: дворовые, аристократия из дворовых, клиенты из свободных людей и наконец барское семейство.

Посмотрим двор. Он очень велик—привычка к деревенской жизни с ее простором сказывается и здесь. В каменной ограде двора калитка на соседний церковный двор. Барин привык, что у него все свое: и крепостные слуги, и свой оркестр, и свой священник, и своя церковь. Церковь Параскевы Пятницы, построенная значительно раньше дома, в начале XIX века была на руге у господ Хрущевых, т.-е. от них причт получал содержание натурой и деньгами.

Дальше по двору идут развалины большого дворового строения. Яма говорит нам о погребе, навес, очевидно, предназначался для крестьянских лошадей, приходивших с обо-

дом из барских деревень со всякой живностью и хлебом.*)

Линия акаций на месте разобранного на топливо забора отделяет двор от сада. В саду беседка, где играл крепостной оркестр, веранда главного дома и небольшой флигель, о котором мы говорили в начале. Быть может, в нем жил холостой сын хозяина.

Сделанные наблюдения рисуют нам уклад жизни богатого барина начала XIX века. Полунатуральное хозяйство, базирующееся на крепостном праве, привычки деревенской усадебной жизни, перенесенные в столицу, много досуга, приемы гостей—вот черты жизни этого дома **)

Вернемся в переулочек, еще раз взглянем на фасад, и сделаем ряд историко-культурных наблюдений.

Уклад жизни владельца дома, как мы видели, тесно связан с бытовыми особенностями русской жизни. Но откуда эти колонны, этот фронтон, взятый с греческого храма, эти барельефы с фигурами в античных одеждах, весь этот стиль „ампер“?

Русское дворянство с половины 18 века находилось под огромным культурным воздействием Франции. И французские моды, и умственные течения, и эстетические вкусы живо воспринимались русским дворянством эпохи Екатерины и Александра. А французское дворянское общество „старого порядка“, утомленное изысканностью и искусственностью своей

*) Краноткин. „Записки революционера“ гл. VII.

**) За садом, в глубине двора находится каменное двух-этажное здание с каменным же, полуразрушенным крыльцом, с окнами, обращенными во двор со сводчатыми покрытиями небольших комнат. Здание это одна из немногих гражданских построек XVIII в., уцелевших в Москве, дом боярина А. И. Салтыкова. Анализ этого дома много дает по быту дворянской Руси.

культуры ищет простоты во всем; и в искусстве, отойдя от изысканности рококо, увлекается простотой античности. Это увлечение французского общества усваивается русским дворянством, и классический стиль*) делается стилем этого общественного класса. Уравновешенность этого стиля, его статика, как нельзя более идут навстречу основному настроению дворянства эпохи его расцвета и полной уверенности в неизблемости всего социального и политического уклада русской жизни.

Таким образом, наш эстетический разбор Хрущевского дома имел целью не только познакомить с великим памятником архитектуры, но и был совершенно необходим для полноты исторического анализа: статика стиля „ампир“ так пришлась ко двору русского дворянства потому, что отвечала той психологии этого класса, которую создал в нем русский исторический процесс.

Библиография.

Книги и статьи.

- Б. Е. Райков. Школьные экскурсии, их значение и организация. 2 изд. СПб. 1921 г.
- Б. Е. Райков. Метод и техника ведения экскурсий. Изд. 2. Петр. 1922 г.
- Е. А. Звягинцев. Учебно-исторические экскурсии в Москве. Вып. I. М. 1918 г.
- В. Харузина. Этнография. Вып. II. Приемы изучения явлений материальной культуры. М. 1910 г.
- И. М. Гревс. К теории и практике экскурсий, как орудия

*) Стиль „ампир“ — ответственный классического стиля.

научного изучения истории в университетах. Жур. Мин. Нар. Пров. 1910 г.

И. М. Гревс. Монументальный город и исторические экскурсии. Экск. дело, 1921, № 1.

Н. П. Анциферов. Петербург Достоевского. Экск. дело, 1922, № 2—3.

В. Я. Ярошевский. Школьные культурно-исторические экскурсии. Изд. Мысль, 1921 г.

Д. А. Жаринов. Былое в его пережитках и памятниках. М. 1919 г.

М. И. Назаров. Указатель книг и статей по выставочному, музейному и экскурсионному делу и родоноведению. М. 1919 г.

Журналы.

Экскурсионное дело. Петроград, 1921—1922 гг.

Русский экскурсант. Ярославль, 1914—1916 гг.

Экскурсионный вестник. М. 1914—1916 гг.

Экскурсии
по Историческому музею

1. Жизнь человека на русской равнине в каменном периоде.

Первобытная эпоха знакомит нас с первыми шагами человека по пути культуры, раскрывает нам зародыши современной техники, домашнего быта, искусства, религии, помогает понять сложные явления окружающего.

Изучить древнейшие периоды прошлого можно исключительно на основании сохранившихся вещественных памятников. Отсутствуют письменные сообщения, молчат устные предания — и только вещи, десятки тысяч лет пролежавшие в земле, рассказывают нам об их обладателях. Когда-то забытые и брошенные на поверхности земли, они были засыпаны переносимым ветром песком, затянута речным илом и постепенно оказались погребенными более или менее глубоко, в зависимости от древности предметов и скорости нарастания почвы. Долгое время они вовсе не обращали на себя внимания или вызвали загадочные толкования, и только в XIX в. начались систематические раскопки, классификация и изучение находок, образование музеев для их хранения.

Нам предстоит восстановить далекое прошлое человека по памятникам русского Исторического Музея.

Зал 1. Войдем для этого в I й зал. В шкафу против окна, на нижней полке лежат две кости, одна — беровая, другая — лопатка; поражает их величина и темный

цвет, обличающий их древность. Устанавливаем на основании приложенной карточки, что эти кости извлечены из земли у нас в Московской губ., в Подольском у., в с. Никонове. Затем пробуем восстановить величину животного по этим костям. Оно должно было превышать самых крупных представителей современной фауны и могло достигать аршин 4-х высоты и арш. 6 длины. Чтобы полней представить облик этого животного, привлечем висящее над шкафом бивни, неудачно расположенные в виде рогов. Присутствие бивней позволяет говорить о сходстве со слоном; но бивни тоже поражают своими размерами (длина около $4\frac{1}{2}$ арш.), весом (каждый—около 5 пуд.) и своеобразным изгибом формы.

Перед нами не слон, а вымершее ныне животное, той же группы хоботных—мамонт. От слона он отличается не только размерами скелета, но и внешним обликом: мамонт покрыт густой, длинной шерстью. Это обнаружили счастливые находки в Сибири: там в промерзлой земле сохранились целые туши мамонтов. Например, мамонт, извлеченный Герцем в 1901 г. на р. Березовке, оказался молодым самцом, весившим около 2000 клгр. (125 пуд.); он был покрыт буро-желтой шерстью (длина волос—25—30 см.), под кожей находился слой жира, толщиной около 9 сант.; он имел хобот и недлинный (36 сант.) хвост.

Наличность у мамонта толстого слоя жира и теплой шкуры позволяет отнести его к группе полярных животных. Распространение его в Сибири не вызывает недоумений, в Московской же губ. он мог жить только при климатических условиях, непохожих на современные. Это было время наступления ледника на русскую равнину. Под влиянием понижения температуры ледника 4 раза с севера медленно сползали на юг, передвигая груды камня, обтачивая скалы; фауна и флора более теплого, предшествовавшего периода

отступали на юг, замещаясь растениями и животными полярной полосы. В это время и бродили по нашей губернии стада мамонтов; тот, который лежит перед нами, относится, видимо, ко времени отступления 4-го ледника. Это было за десятки тысяч лет до Р. Х.

Что же окружало мамонта, чем он питался? Зуб, который лежит на полке над лопаткой, обличает травоядное животное: бугорки на поверхности служили для перетирания пищи. У мамонта было всего 4 коренных зуба (каждый весил до 10 ф.), наш же зуб принадлежал молодому экземпляру. Остатки пищи в желудке ископаемых мамонтов состоят из трав и кустарников тундровой флоры. Это позволяет нам окружить его тундрой, кустарниковыми зарослями, перелесками. Вот что представляла из себя тогда наша равнина.

Попробуем выяснить, существовал ли в те времена человек у нас в России.

Перейдем к рассмотрению коллекции Кельсиева в 1-й и 2-й и 2 витр. Перед нами разбитые кости и куски кремня витрины. Эти предметы—лишь часть раскопок из с. Костенок Воронежской губ., остальные поступили в антропологический музей Академии наук в Петербурге. Эти предметы были обнаружены в следующем виде: на глубине около 2 арш., там где глина материка переходит в чернозем, разбросаны были кусочки угля, зола, растрескавшиеся от огня камни, пережженные кости и масса осколков кремня. Расположение угля и золы носило характер кострищ.— Это уж позволяет видеть в находке стоянку человека. Разбросанные и разбитые кости мамонтов, часть которых перед нами, говорят об использовании их человеком. Он подбирал, вероятно, павших животных или убивал их, загоняя в прикрытые ямы (см. отрез. карт. Васнецова по И. м. залу). За охоту говорит то, что большинство нахо-

димых в стоянках мамонтов—молодые экземпляры. Такой % смертности, именно среди молодых, мало вероятен. Охота на мамонтов, конечно, требовала коллективных действий, большого труда, но зато давала несколько десятков пудов мяса, теплые шкуры, твердую кость. Осколки кремня, которые перед нами, тоже обличают пребывание человека в Костенках.

Часть из них носит определенный характер орудий, т. е. искусственных образований, целесообразных по назначению. Тут — скребки, кремневые пластинки, оббитые на конце в виде полукруглого лезвия; проколки, орудие с концом, удлинённым в виде колющего острья; наконечники лисовидной формы; ножевидные пластинки, имеющие с одной стороны совсем гладкую, отбивную поверхность, с другой—ребро и 2 грани, сходящиеся под углом; внизу слева—клювовидный резец. По материалу все эти орудия из обычного жемья, только во время раскопок, под влиянием сложного химического процесса, они изменили свой цвет и приобрели налет—патину. Техника их обработки сколотая: от большого камня, путем коротких, косых ударов по тупой грани, отделялись тонкие пластинки разной формы. Некоторые, кроме того, заострялись и уплощались на концах и с боков, путем дополнительной оббивки камнем или нажимом костью—это то, что называется ретушью. Ретушь можно наблюдать на наконечниках в нижнем ряду витрины.

По назначению эти орудия разнообразны: большинство служит мелким хозяйственным нуждам: скребками счищали жир и сало со шкур, выглаживали кость, дерево; проколки служили для просверливания отверстий в ножах и шкурах; ножами резали, пилили; клювовидным резцом сдирали кожу, царапали кость. Держали их или просто в руках или прикрепляли к палке.

Только наконечники принадлежат к группе оружия: они служили лезвием дротиков, метательных снарядов.

Все, что найдено в Костенках, дает облик жизни человека каменного периода. Человек, современник мамонта, успел далеко отойти от животного состояния своих предков: он пользуется огнем, может быть, сам добывает его; огонь помогает ему пережить зиму, защищает его от зверей. Человек не только собирает растительную и животную пищу, но и охотится при помощи дротиков, волчьих ям. Все, что попадает в руки человека, перерабатывается им при помощи орудий, которые с успехом заменяют естественные органы других животных.

3-я Предметы в витр. 3-й и 4-й пополняют нарисованную нами картину. В витр. 3-й—раскопки у с. Карачарова, Владимирск. губ. Тут преобладают кости животных и мелкие осколки кремня, тоже найденные вокруг костра. Среди костей—череп зубра, зуб носорога, зубы хищников. Объекты охоты человека этой стоянки, как видно, разнообразнее, чем у жителя Костенок. В двух верхних рядах 4-й витрины

4-я предметы из мамонтовой пещеры, близ с. Ойцово, витрина. Олькушского у. В пещере археолог Оссовский обнаружил очаг, сооруженный из камней; вокруг валялись кости съеденных животных (перед нами позвонок и другие кости мамонта), кремневые и костяные орудия. Из кремневых орудий выразительны: скребки, с утолщением одной стороны для удобства схватывания, слева наверху—ножи, посередине—наконечник дротика. Справа лежит и нуклеос, кусок кремня, от которого были отбиты кремневые пластинки. Любопытны и костяные орудия на планшете слева: шила, остроконечники.

Бочуя с места на место в погоне за добычей, люди выбирали для стоянок защищенные места, особенно привле-

калап их пещеры, там, где они встречались. В глубине у костра собралось все племя после охоты: кто резал мясо на тонкие ломти, кто жарил их на плоских камнях; подростки разрубали кости, чтобы достать вкусный мозг, женщины скребками сдирали со шкур застывшую кровь и сало. Перелачканные дети ползали, подбирая остатки. После трудного дня предстоял вкусный и сытный обед. Так жили люди у нас по всей России много десятков тысяч лет тому назад.

7-я

Перейдем к витр. 7 й в той же комнате.

витрина.

Перед нами орудия из камня, но вполне определенной формы, напоминающей современные предметы. Мы легко узнаем молоток, наконечник копья, ножи. Приемы обработки совершеннее: на наконечнике копья мы видим, как ретушь с краев распространялась на всю поверхность предмета, делая его плоским и легким; молоток отполирован и в нем просверлено отверстие для рукоятки. Все это позволяет отнести эти предметы к новому периоду обработки камня. Конечно, в действительности, переход этот происходил медленно и незаметно: отдельные наблюдения, случайные изменения оказывались целесообразными и закреплялись.

Проходили сотни, тысячи лет, ледник успел оттаять и отступить на север, животные и растения полярной полосы частью вымерли, частью отошли вслед за ледником; постепенно установились климатические и природные условия, существующие теперь.

И человек успел измениться за это время: в новых условиях мы видим его, вооруженного орудиями новой, совершенной техники. Постараемся представить себе приемы новой работы: коларование производилось посредством трения камня о специально приспособленные песчаные плиты; для сверления употреблялось полое орудие—трубка,—в этом нас убеждает неоконченный молоток, рядом с первым. Та-

кой трубкой могла быть кость или палка, с вынутой серединой. Сверло приводилось в быстрое вращение тесной лупка, а под рабочий конец его, тем временем, подсыпался кварцевый песок, смоченный водой. Работа была нелегкая—зато, как крепко держался молоток на насаженной палке, не то что привязанные жилами рукоятки старых орудий. Отметим еще пиление камня, которое можно наблюдать на полированном топоре из зеленого нефрита в витр. 5, на 5-й

5-я полке. Производилось оно или кремневыми пилками или шнуром, под который подсыпался тот же песок. Здесь мы наблюдаем 2-й способ.

Зал 2-й. Переходя в следующий зал, поставим себе задачей восстановить жизнь человека в неолитический период, т.е. около 10—15 тысяч лет до Р. Х.

6-я витрина. Начнем обзор с 6-й витр., где сосредоточены предметы с Волосовской дюны, песчаного бугра у д. Волосово, Муромского у., Владимирской губ. Обращают на себя внимание мелкие наконечники стрел: они вполне симметричны—этим достигалась правильность полета,—поверхность их обработана необыкновенно чисто, края зазубрены для большей смертоносности.

Впервые здесь мы видим применение лука, дальнобойного орудия, в котором использована механическая сила натяжения. При помощи лука охота облегчается, ускоряется, и власть человека распространяется на новые группы животного мира, до сих пор почти неиспользованные (птицы).

4-я витрина. Предметы на 3-й полке 4-й витр., на 4 и 5 витрина. планшетно справа, из Волосова жд., говорят нам о другом этапе существования человека той поры—о рыболовстве. Тут костяные крючки, гарпун,—метательное орудие, а в коробке—обломки глины с отпечатками сетей, крупных и мелких.

Человек уже научился искусству плетения. Материалом ему, вероятно, служили волокна дико растущих растений (следов культурных злаков не найдено). Дикари, например, употребляют крапиву. Существовало, вероятно, и тканье грубой материи—об этом говорит нам отпечаток толстой ткани на круглом сосуде рядом (планш. 6). Чтобы полнее представить себе, чем питался человек Волосовской стоянки, пороемся в его отбросах, которые разложены в 4-й витр. на 6-й полке, на 3-й планш. справа. Тут кости диких животных, чешуя рыб, раковины моллюсков. Перейдя к организованной охоте, человек не гнушался собиранием мелких животных, которыми кишели берега рек. Все это поедалось человеком не только в сыром и поджаренном виде, но могло и вариться в посуде из глины, образец которой мы видим

10-я на планш. 6. Особенно же много обломков этой витрина. посуды в 10-й витр. Все сосуды, насколько можно судить по обломкам, были круглодонные. Один из них, склеенный, стоит на витр. 8. Делались они или от руки, или путем обмазывания плетенки глиной. Во время обжига плетенка сгорала. На поверхности сосудов часто оставались отпечатки этой плетенки или ткани, в которую обматывался сосуд (обломки посредине). Подражая этим отпечаткам, человек покрывал сосуды искусственными узорами; некоторые из узоров (см. верхние обломки) очень примитивны, другие отличаются симметрией, равномерным заполнением пространства (см. обломки справа), что свидетельствует о развитии вкуса.

Употребление посуды говорит о более продуктивном использовании пищи—большой % поглощался организмом человека,—а также о способе хранения запасов. Мясо и плоды в горшках подвергались меньшей порче и вода могла быть под рукой.

4-я Но вернемся к витр. 4-й и посмотрим, что еще витрина. нового появилось в обиходе человека с облегчением борьбы за существование и с увеличением его досуга. На полке 2, на планш. справа, целый набор шил и игл. Обращает внимание тонкая иглолка с ушком—напрашивается мысль, что ею протыкалась не грубая шкура, а та материя, отпечатки которой мы видим на сосуде.

На 3-й полке, на 2 планш. справа—привески из зубов и вырезанные из кости пластинки рассказывают нам о желании человека украсить себя, выделиться среди других. Чаще всего для этого употреблялись охотничьи трофеи. На 4-й полке—образцы скульптуры из кости и камня: голова гуся, полумесяц, подобие птицы, рыбы, несколько примитивных человечков. Все это—проблески искусства первобытного человека и его религии—стремление одухотворить окружающее. Это, вероятно, изображение тотемов или фетиши. Во всяком случае перед нами—пробуждение мысли и чувства первобытного человека.

6-я Перейдем к витрине 6. Там тоже предметы из витрина. Волосова, нам знакомые. Новым является лишь остов собаки (в коробке), найденный целым среди стоянии. Видимо, эта собака жила при человеке и умерла естественной смертью. Можно думать, что это прирученная собака. Собака, как мы видим, была первым прирученным животным у первобытного человека.

3-я Нам остается посмотреть, где жили люди в витрина. неолитический период. Предметы в витр. 3, на полках 2 и 3, открыты В. А. Городцовым у с. Дубрович, Рязанск. губ. Там обнаружено особое сооружение, зарисовка которого выставлена тут же.

Оно было возведено среди заливной долины р. Оки, на острове древней старицы этой реки из кусков известняка,

сложенных кольцеобразной стеной, внутри засыпанной песком. Сооруженная таким образом, плотина поднимала поверхность острова и спасала его от весенних разливов. Это жилище, во многом аналогичное свайным постройкам, получило название плотинного. Цель его — обезопасить человека от двуногих и четвероногих врагов.

Жил человек здесь более или менее оседло, о чем говорит труд, вложенный в это сооружение. Раскопками выяснено, что жилищем человека на этом острове служили землянки, выложенные камнем. Весь инвентарь его аналогичен рассмотренному нами в Волосове. Собщался человек с берегом, вероятно, при помощи лодок, которых здесь, правда, не обнаружено, но образец которых найден во время рытья Ладожского канала. Это челн, выдолбленный из дерева. Работали, вероятно, долотом, вроде того, что лежит в той же 3 вилр., молотком, вроде виденного нами в 1 зале; помогали себе огнем.

Круглая витрина Кроме стоянок, в неолитический период обитатели по-ружены и особые мастерские, где производилась работа из камня. Такую мастерскую мы видим в круглой витрине посреди залы. В ее состав входят кремневые желваки, осколки, сломанные и неоконченные орудия. Целые встречаются редко, они, вероятно, уносились в стоику. Устройство особых мастерских об'ясняется стремлением расположиться ближе к естественным залежам пригодного камня и усложнением техники работы.

Припомним теперь все, что отмечалось нами, как достижение человека нового каменного периода, и сравним эту ступень с предшествующей. Постепенное совершенствование орудий облегчало борьбу за существование, вело к экономии сил и времени и давало возможность удовлетворять все новые назревающие потребности. И материальная, и ду-

ховная жизнь человека обогащается и усложняется, но происходит эта эволюция чрезвычайно медленно; несколько ускоряется темп в неолите (завоевания быстрее следуют друг за другом).

Каменный период длится тысячи, ~~десять~~ десятки тысяч лет лишь около 5-ти тысяч лет до Р. Х. ~~начинает~~ завоевывать себе место новый материал—металл.

С. Гурелина.

2. Эпоха бронзы.

Многочисленные археологические находки, сделанные на территории России, дали возможность установить, что приблизительно за 2 1/2 тыс. лет, до Р. Х. в обиходе человека появляется новый материал—металл. Нам предстоит по памятникам Русского Исторического музея восстановить жизнь человека новой эпохи, и тем самым уяснить себе то влияние, которое появление нового материала оказало на ход его культурного развития. Рассмотрим предметы в витринах № 10, 9, 8 и 7 залы 3. Перед нами вещи, найденные в Северной, Средней и Восточной частях России (губернии Олонецкая, Минская, Ярославская, Казанская, Пензенская, Саратовская, Самарская и др.)

10-я витрина. Прежде всего мы видим много каменных орудий; формы их изменились, утончились, назначение разнообразнее, не наблюдается совсем орудий примитивной обработки рядом с совершенной, как это было в неолитическую пору каменного века. Среди множества каменных орудий наше внимание привлекают орудия металлических, выделяющиеся своим зеленоватым цветом (патина—результат окисления металла). Мы видим ножи, плоское долото, топоры с вислыми обузами. Устанавливаем мес-

то находки — Саратовская губерния. Орудия сделаны из бронзы. Каким образом бронза могла появиться в руках человека?

Это металл не самородный, а результат сплава меди и олова. Следовательно, человек, производящий бронзу, должен обладать большим запасом знаний, т.е. знать разные породы металла, знать, что новый материал подвергается действию огня, уметь соединять при помощи огня разные породы и уметь использовать свои технические навыки над каменным материалом для выделки из него форм для литья. Обработка орудий, лежащих перед нами, носит следы различной техники, так например, долото и вислые топоры получились путем отливки расплавленной массы в формы, небольшой нож—кованный, т. к. его поверхность не так ровна и носит следы ударов.

Итак, эти вещи говорят о большом опыте того человека, который их выделывал. Конечно, нельзя предположить, что знакомство с металлом началось с бронзы. Ей предшествовали золото и медь, т. к. эти породы находятся в природе в виде самородков. Возможно, что первоначально человек принял их за блестящие камни и начал обделывать, как каменные орудия, но скоро заметил, что они не колются, а плющатся. Он начал их выковывать. И затем последовал длинный путь постепенного знакомства человека с новыми породами и накопления опыта, который и привел его в конце-концов к тем орудиям, которые лежат перед нами. Преимущества их сравнительно с каменными орудиями очевидны: техника их производства сберегала человеку большое количество времени и облегчала самый процесс работы.

9 и 8 Витрины 9 и 8 совсем почти не содержат бронзовых изделий, и при беглом обзоре хочется скорее отнести эти культуры к неолитической поре каменного

периода Но внимательное исследование дает возможность убедиться, что особенности форм некоторых из этих орудий могли явиться только как результат влияния форм металлических. Таковы, напр., молоток с ребром, напоминающим спайку. Чем же можно объяснить неравномерность распространения металла в начале бронзовой эпохи в разных местностях России и очевидное предпочтение каменного орудия металлическому, несмотря на несомненные преимущества последнего? Обратимся к карте. Мы прошли путь от севера к востоку. Природа этих мест не могла дать человеку металла, и следовательно, ему невозможно было проделать опыт непосредственного знакомства с новым материалом, за него проделал его кто-то другой, а сюда бронзовые орудия были привезены в готовом виде. После этого становится понятной отмеченная ранее неравномерность нахождения металлических орудий. Чем ближе была местность к месту производства, тем больше было возможности получить нужные орудия, и наоборот. Витрины 7, 8, 9 и 10 подтверждают это. Больше всего бронзы мы нашли в Самарской и Саратовской губерниях, расположенных по соседству с Уралом, изобилующим металлом, а на севере, удаленном от гор, мы с трудом улавливаем признаки знакомства этих мест с новым материалом.

Установив наличие металла в руках человека, посмотрим, изменились ли другие отрасли производства. Перед нами глиняная посуда. Формы ее еще довольно примитивны, плоского дна еще нет, орнамент попрежнему прост, но вылеплены они гораздо аккуратнее, обожжены лучше. Украшения из зубов зверей снова напоминают о человеке каменного периода.

Итак, ознакомившись с находками северной, средней и восточной России, мы устанавливаем появление металла, и вместе с этим факт сношений с другими местностями и общее повышение уровня культуры.

Перейдем теперь к витринам 14, 15 и 16.

14, 15 и 16 Картина резко меняется. Мы почти не видим витрины каменных орудий, все предметы сделаны из бронзы, а время приблизительно то же самое (середина 3-го тысячелетия до Р. X.) Мы на северном Кавказе, в теперешней Кубанской области; рядом—Кавказские горы, богатые рудой. Очевидно, народ, населивший этот край, имел в изобилии металл, знал способы производства, ему свойственные, и сам сделал орудия, лежащие перед нами. Подтверждение этому мы найдем, обратясь к витрине № 14. Там мы видим довольно большой, бесформенный кусок бронзы. Трудно допустить предположение, что имелась нужда в привозе необработанной бронзы из других мест туда, где не знают секрета производства.

Посмотрим теперь на бытовой обиход Кавказа.

Поражает разнообразие форм и их назначения. Много кинжалов, копий, ножей, довольно большой черпак, вилки, небольшие круглые чашки из бронзы, очень много ожерелий, бронзовых и медных, серебряные булавы и золотые кольца. Глиняные изделия имеют вполне законченную форму, плоское дно, один горшок со следами поливы; есть формы, напоминающие вазу, и небольшие глиняные сосуды с ушками для подвешивания. Общий уровень культуры гораздо более высокий, нежели только что виденный нами. Ищем объяснения этому опять у самих предметов. В витрине № 14 в небольших стеклянных рамках лежат остатки ткани с надписями „пурпурная ткань“. Что такое пурпур? Это краска, которая добывается из моллюсков, живущих в Средиземном море. Очевидно, кавказец имел связь с народами, живущими близ этого моря. Кипрский меч, получивший название от острова Кипра, говорит о сношениях с народами, его населявшими; тонкие нити белого бисера, сделанные из

пасты, находят большей частью в Месопотамии. Сношения с этими странами, где уже в 5—4-тысячелетиях до Р. Х. процветает высокая культура, не могли не оказать влияния на жителей нашего Кавказа, и превосходство культуры Кавказа перед культурой средней и восточной России и объясняется этими развитыми сношениями.

Таким образом, исследуя памятники начала бронзового века в России, мы должны отметить, что люди живут по-разному, в зависимости от местных условий климата и почвы с одной стороны, и большей или меньшей удаленности от высоких культурных центров—с другой,

Теперь посмотрим, как же складывалась жизнь людей, и **Зал № 4**, каковы были их занятия и взаимоотношения. С **витрины** этой цeлью перейдем в следующий зал и по **1, 2, 3, 4 и 5** смотрим витрины № 1, 2, 3, 4, и 5. Мы вернулись в восточную часть России только по прошествии около тысячи лет. Срок небольшой, а картина изменилась резко: орудия все из бронзы, камень вытеснен окончательно за этот промежуток времени, приблизительно в 1000 лет, и житель Саратовской губернии научился обрабатывать металл. Перед нами в витрине № 2 лежит значительное количество одинаковых орудий—ножи со следами незаконченной обработки—и здесь же кусочек руды; очевидно, мы имеем дело с мастерской. Дальше (витрина № 3, Таврич. губер.) мы видим каменные литые формы, доказывающие, что в это время и здесь получают не готовые орудия, а руду в сыром виде, и обрабатывают ее самостоятельно. Серпы вполне законченной формы (витрина № 4) указывают на новое занятие человека—земледелие. В витрине № 5 мы находим конские удила. Лошадь, наиболее дикое животное, уже служит человеку, как рабочая сила. Следовательно, мы можем предполагать наряду с земледелием и развитое скотоводство.

№ 12 и 14 Обратимся опять к Кавказу. Перед нами масса витрины украшений: булавки, браслеты, цепи, бусы, сердоликовые, поясные пряжки с накладными рисунками в виде треугольников из железа. Очевидно, железа мало, оно ценится дорого и употребляется как украшение. Очень много изображений животных, особенно бараньей головы. Кавказ — гористая страна, там трудно заниматься земледелием, но удобно разводить мелкий рогатый скот. Большое количество изображений скота служит доказательством того значения, какое эта отрасль хозяйства имела в жизни жителей Кавказа. Изображения оленя указывают на то, что там процветает и охота. Масса украшений говорит нам, что кавказец богат; он раньше других знакомится с железом, хотя употребляет его пока только для украшений. Как же распределяется это богатство? Перед нами модели двух погребений. Мы впервые здесь в музее наблюдаем могилы человека. До сих пор все вещи, которые мы видели в каменном веке, находились учеными на месте стоянок и мастерских человека. В эпоху бронзы восстановить жизненный обиход человека помогают могилы. Наблюдения над погребениями вводят нас уже в область религиозных представлений людей бронзового века. В могиле мы всегда находим не только скелет, на котором уцелели различные предметы украшений, но и множество предметов жизненного обихода. Скелет большей частью лежит на боку, в позе спокойно спящего человека. В основе таких способов погребения, несомненно, лежит идея, что жизнь продолжается за гробом, и отсюда вытекает необходимость положить в могилу все, что умерший имел при жизни. Это дает нам возможность по обиходу мертвых восстановить обиход живых.

В моделях, лежащих перед нами, мы прежде всего отмечаем неравномерность распределения предметов; обильно ве-

щей в одной и скудость в другой свидетельствуют об экономическом неравенстве людей этой эпохи, и тем самым дают возможность ответить на ранее поставленный в прос о том, как распределялись богатства.

Посмотрим повнимательнее на могилы, они различаются не только количеством, но и назначением лежащих в них предметов, и мы можем отличать погребение мужчины от погребения женщины. Мужчине нужен кинжал, копье, нож; в женском погребении много украшений, браслеты на руках и ногах, головные булавки. Очевидно, одежда была сложна и различна для мужчины и женщины.

№ 12 Вернемся снова к витрине № 12. Особенно витрина привлекает внимание кинжал с рукояткой в виде двух баранов. Сразу можно установить, что своему прямому назначению кинжал не служит. Когда же он мог употребляться? Легче в это представить его в руках жреца во время жертвоприношения, тогда понятно и богатое украшение рукоятки, и символическое значение этих украшений.

№ 14 Посмотрим, что нам расскажут предметы дальше. витрина В витрине № 14 мы видим много принадлежностей вооружения, много кинжалов, копий, стрел, мечей. Внизу лежит бронзовый шлем, выше — остатки кольчуги и здесь же внизу булава. Все это говорит уже не о мирном занятии, а о войне; перечисленные выше предметы военного снаряжения свидетельствуют об организованной вооруженной силе, знаки воинского отличия выделяют начальника.

№ 14 и 15 Обзор дальнейших витрин шире разворачивает витрина картину богатства и сложности культуры этого народа. Среди украшений мы видим нитки янтаря, добываемого преимущественно у берегов Балтийского моря; следовательно, международные сношения простираются далеко на Север. Отмечаем законченность отделки посуды, чет-

кость и разнообразие форм, богатство орнамента. Является вопрос, может ли весь этот сложный обиход быть сделан одной рукой. Нет, здесь чувствуется уже рука мастера — один делает пряжки с рисунками, другой посуду, третий орудие. В ремесле появляется специализация и, как результат этого — взаимный обмен.

Итак, в половине третьего тысячелетия до Р. Х. металл появляется почти повсеместно, но распределяется неравномерно; лишь местности, почва которых имеет руду, либо лежащие в близком соседстве с такими, производят бронзу и пользуются ею в довольно широких размерах. В средней и северной России металл — драгоценная редкость. Но преимущества последнего, слишком большие и очевидные, способствуют расширению обмена; сначала привозятся орудия уже выделанные, но проходит около тысячи лет и предмет обмена становится сырьем, а производство орудий становится местным. Новая техника, пришедшая с новым материалом, дала человеку громадную экономию времени. Легкость производства литых металлических орудий по сравнению с каменными, их превосходство поднимают производительность труда. Занятия расширяются и совершенствуются: вместо хищнического хозяйства начинают процветать земледелие, скотоводство. Сношения расширяются: на Кавказе мы находим изделия с далекого севера (явтарь с Балтийского моря), в восточной России появились изделия далекого юга (крокодил в витрине № 1).

С усложнением экономической жизни намечается и сложная дифференциация общественная. Мы отмечали социальное расщепление: класс ремесленный, военный и т. д., и зачатки политического строя (жрецы, вожди). Наряду с развитой материальной культурой ряд памятников дает возможность установить наличие и облик культуры духовной. К концу

бронзовой эпохи мы наблюдаем определенное мировоззрение, отношение человека к природе, ее силам, и как результат этого—сложившийся религиозный культ. Культура эволюционирует очень быстрым темпом. За две с половиной тысячи лет до Р. Х. мы видели человека после долгих тысячелетий каменного века впервые взявшего в руки металл, а сейчас, всего через полторы тысячи лет, мы оставляем на рубеже железного века общество, со сложившейся материальной и духовной культурой.

А. Бслоусова.

Библиография к экскурсиям 1—2.

А.

- Краткий путеводитель по историческому музею. М. 1921 г.
Павлов. Геологический очерк окрестностей Москвы. М. 1914 г.
Городцов. Первобытная археология. М. 1908.
Городцов. Бытовая археология. М. 1910.
Обермейер. Человек в его прошлом и настоящем. СПб. 1914 г.
Вейле. Культура безкультурных народов. СПб. 1913 г.
Вейле. Первобытное общество и его хозяйство. СПб. 1914 г.
Вейле. Элементы человеческой культуры. СПб. 1914 г.
Гернес. История первобытного человечества. В. I и II. М. 1913 г.
Шурц. История первобытной культуры. СПб. 1914 г.
Тахтарев. Очерки по истории первобытной культуры. СПб. 1912
Нидерле. Очерки по истории первобытной культуры. СПб. 1898 г.
Эмин. Искусство палеолита. М. 1912 г.
Городцов. Как раскапывать курганы. М. 1908 г.

Б.

І. Палеолит.

а) Костенковская стоянка.

Поляков. Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию. СПб. 1880 г.

Кельсиев. Палеолитические кухонные остатки в с. Костенках, Воронежского у. Труды Имп. Моск. Арх. О—ва. Т. IX, вып. I, стр. 157—179.

б) Карачаровская стоянка.

Уваров. Археология России. Каменный период. Т. I, стр. 112—117; т. II, стр. 121—122. М. 1881 г.

Кротов. К вопросу об относительной древности каменного века на р. Оке. Тр. О—ва Естествозн. при Казанск. ун. Т. X, вып. 2. Стр. 27—39.

в) Мамонтова пещера.

Гр. Завиша. La caverne de Mammouth en Pologne. Mémoires de la société anthropologique de Paris. Т. I, 2 série р. XII—XIV.

Оссовский. О геологическом и палеонтологическом характере пещер юго-зап. окраины России. Тр. Томского О—ва Естест. Томск, 1895 г.

г) Мезенская стоянка.

Волков. Палеолитические стоянки в Мезени, Черниг. губ. Тр. XIV Археол. с'езда. М. 1905 г.

Ефименко. Каменные орудия палеолитических стоянок в Мезени, Черн. губ. СПб. 1912 г.

II. Неолит.

Уваров. Археология России. Каменный период. Т. I. М. 1881 г.

Городцов. Археологические исследования в долине р. Оки. М. 1899 г.

Городцов. Археологические исследования в окрестностях Муром в 1910 г.

Городцов. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки. Тр. VIII Арх. с'езда.

III. Эпоха бронзы.

Городцов. Результаты археол. исследований в Изюмском у., Харьк. губ. Тр. XII Арх. с'езда. Т. I.

Городцов. Раскопки могильника на Черной горе у с. Великого, Ярослав. губ. Ярославль, 1896 г.

Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. Зап. Русск. Арх. О—ва. Т. V.

Спицын. Новые сведения о медном веке в средней и северной России. Зап. ск. Русск. Археол. Общ., Т. II.

Майкопский курган. Отчет археологич. комиссии за 1897 г., СПб., 1900 г.

уваров. Могильники сев. Кавказа. Мат. по археол. России. Вып. VIII, М. 1900 г.

Раскопки в Саратовской губ. Хвалын. у., с. Сосновая Мыза. Отчет Арх. Ком. за 1901 г.

Кабанский могильник. Протоколы комитета по устр. антрополог. выст. О—ва Любит. Ест. Антр. и Геогр. № 20. М. 1878 г.

3. Быт скифов на территории Южной России.

Для воссоздания быта скифов, живших на территории юж. России имеются 2 источника: 1) вещественные памятники, добываемые путем археологических раскопок, и 2) письменные памятники, заключающие в себе исторические документы, сказания иностранцев, современных скифам или живших в эпоху, близкую к ним.

Вещественные памятники, характеризующие быт скифов, сосредоточены в 6 м зале Рос. Исторического Музея.

Наблюдения над памятниками происходят в следующей последовательности: сначала прочитываются надписи, указывающие на местонахождение предметов и выясняется их общий характер; далее, производится детальное рассмотрение отдель-

ных памятников с определенным материалом, из которого предмет сделан, вырисовывается назначение каждой вещи и, наконец, на основании всех наблюдений делаются соответствующие заключения, дополняемые и проверяемые свидетельствами историков, живших в эпоху данной на одноности.

Витрина Витрина 2-я заключает в себе памятники,

№ 2. найденные на территории Киевской, Екатеринославской и Полтавской губ.

Большое количество бронзовых изделий (круглые зеркала, нож, копье, псалми утки удил, значительное количество наконечников стрел и дротики) иряду с серебряными и электрическими вещами (серебряный браслет с концами в виде головок львов и электрические*) височные привески - 3-я планшета слева, сверху) и незначительное количество железных изделий позволяют определить эпоху, как переход от бронзовой к железной.

Керамические изделия еще точнее датируют памятники: 1) обломки инкрустированной белой палтой посуды, встречающейся еще среди памятников поздней бронзовой эпохи, позволяют отнести данные памятники к началу железной эпохи; 2) обломки большой чернофигурной античной вазы датируются VI веком и 3) обломки краснофигурной античной керамики с блестящим черным лаком (пл. 2-я слева, сверху) относятся к IV в. до Р. Х. Итак, первые наблюдения над памятниками показывают, что они принадлежали народности, жившей в VI—IV в. до Р. Х. и населявшей территорию наших южных степей. Такою народностью могли быть скифы, которых „отец истории“ Геродот впервые попытался выделить из множества народов, населявших обширные пространства южной и отчасти средней России. Геродот делит ски-

*) Древнейшие монеты из электра принадлежат Липийским ларям VII—VI в.

фов на несколько племен, различных по образу жизни и по добавочным к общему названию именам. В описании топографии народов Геродот отравляется от Ольвии; ближайшие к этому городу местности к зап. от Борисфена (Днепра) занимали каллипиды — эллино-скифы, на левой стороне Борисфена жили скифы — земледельцы, которых греки называли борисфенитами, за Пантикапою начинались земли кочевых скифов, не сеявших и не пахавших; дальше за Герром (Донцом) жили царские скифы, храбрый и многолюднейший из скифских народов, всех прочих скифов считавший своими рабами; к югу они доходили до Таврической земли, а на восток до реки Танаида (Дона).

Детальное рассмотрение отдельных памятников во 2-й витр. обнаруживает значительное количество бронзовых наконечников стрел типичной трехгранной формы, бронзовых наконечников дротиков с характерными придатками сбоку, большие бронзовые ножи, бронзовый наконечник копья и железный меч с рукояткой, обложенной золотом. Кроме того, обращают на себя внимание бронзовые псалии, части уздечки и золотые вещи, служившие, по всей вероятности, украшением седел и горитов*) (1 пл. справа, сверху). Все эти наблюдения заставляют предполагать воинственность и кочевой образ жизни народности, населявшей данную область.

Электровые височные привески, серебряные браслеты с концами в виде львиных головок, бронзовые зеркала (пл. 2 и 3 слева, сверху), золотые украшения горитов и седел говорят о культурном уровне народа, обладавшего довольно развитым эстетическим вкусом, указывают на известную зажиточность, допускавшую возможность приобретать

*) Футляр для лука и стрел.

предметы украшения, а техника украшений, может быть, и на торговую связь с греками.

Среди керамических изделий заслуживают внимания небольшие сосуды, иногда инкрустированные белой пастой, с шипами на концах ручек (из витр.). Вероятным считается предположение, что эти своеобразные скифские сосуды служили для сохранения благовонных масел.

Обломки чернофигурных и краснофигурных ваз подтверждают предположение о торговой связи с эллинами, а небольшое количество этих сосудов является доказательством их редкости и указывает на то, что они служили не для бытовых целей.

Витрина Витрина 3-я заключает в себе коллекции

№ 3. предметов из скифских курганов близ с. Аксютинцы и селений Великие Буды и Волковицы Полтавской губ. По сравнению с только что рассмотренными памятниками в витрине № 2, наблюдаем, с одной стороны, отсутствие керамических изделий с инкрустацией из белой пасты, а также обломков черно-и краснофигурных ваз, с другой стороны, отмечаем наличие чернолазовых греческих сосудов и большее количество железных изделий, что указывает на более поздний характер памятников: их можно отнести к III в. до Р. Х. При детальном рассмотрении предметов констатируем значительное количество золотых изделий: пронизи, пластинки, (пл. 1, верх, слева), 2 перстня, дутые обручи, (пл. 2-я), 2 пластинки с привесками в виде овальных бус, служившие, вероятно, в качестве украшения борта одежды, 5 дутых бусин (3 пл.). Особенно отмечаем четырехугольные золотые пластины с изображением фигуры сидящего скифа, держащего лук и имеющего сбоку гирит — специальное оружие варваров, обитавших на юге России. Пластины, очевидно, служили для украшения пояса или оружия, на что указы-

вают отверстия на концах пластин. Интересны золотые украшения (2-я пл. сверху) с орнаментом в виде стилизованных грифонов и львов, терзающих свою жертву.

„Говоря о торжестве силы, изображения грифонов и животных являются как бы символом торжества оружия которое они украшают, и представляют своего рода амулеты против поражения и влияния силы колдовства. Что же касается до техники рельефных украшений, то она является обычной для греческого искусства. Некоторая грубость в работе заставляет предполагать, что вещи сделаны для варваров в греческих колониях юга России или, быть-может, греками, приезжавшими в Скифию из колоний“^{*)}.

Среди других памятников отмечаем ложчатые железные щипцы для вытаскивания углей (3 пл.), бронзовые колокольцы, которые, по свидетельству Геродота, привешивались к погребальной повозке, чтобы шумом и звоном отогнать злых духов и не дать потревожить им покойника; обломки железных удилищ и оружия и бронзовая поножь (кнemiда) (1-я пл. внизу). Особенное внимание обращают на себя многочисленные принадлежности и украшения конского снаряжения: отмечаем большое количество костяных псалмий с характерными головками животных и конскими копытами (1 и 2 пл. сверху и 1 и 2 пл. внизу); железные удила (1 и 2 пл. вверху и пл. внизу. 2 ряд); пара бронзовых удилищ, продетых в железные кольца (2 пл. внизу), железные уздечки (1 пл. внизу), бронзовые украшения уздечки в форме орлиной головы, в форме пуговиц (пл. внизу 2-й ряд), три бронзовых пуговицы с петельками (2 пл. внизу), 6 костяных цилиндров (2 пл. сверху), 3 зуба со сверлиною (1 пл. внизу), служившие для той же цели. Эти наблюдения еще раз говорят о

^{*)} Фармаковский. „Золотые обивки налучий“ стр. 21 и 59.

скифах, как лихих наездниках, о кочевом их образе жизни. Следует, между прочим, отметить отсутствие в курганных погребениях стремя и подков—этих признаков конского снаряжения, встречающихся у других народов. Из вооружения типичные бронзовые наконечники стрел, трехгранные и листовидные (2 пл. внизу), 2 поломанных железных булавы, верх которых имеет грушевидную форму с бронзовой птичьей головой (пл. внизу), обломки железного копья и секиры (пл. внизу 2-й ряд), 2 железных копья и 1 ножик (2 пл. внизу) подтверждают предположение о воинственном характере скифов.

Из сосудов отмечаем: каменное блюдо овальной формы, очевидно, не служившее для бытовых целей, 2 небольшие глиняные чаши с черной поливою греческой работы и великолепные чернолаковые канфары и фиалы эллинского искусства (низ витрины). Обращаем внимание и на глиняный сосуд грушевидной формы, характерный для скифской работы (верх витр.) и на бронзовый котел на ножке, с двумя ручками по краям, тоже варварской работы.

Суммируя наблюдения над памятниками, выставленными в 3 витр., мы находим новые подтверждения правильности предположений, сделанных в результате осмотра витрины № 2.

Витрина знакомит с памятниками курганных погребений

4-ая. Екатеринославской губ. (Чертомлыцкий курган) и Таврической (Кульобский и др. кург.).

По сравнению с только что рассмотренными коллекциями в витр. 2 и 3, н. блюдаем, с одной стороны, наличие таких шедевров чисто-эллинского искусства, как Чертомлыцкая и Кульобская вазы, с другой стороны—отсутствие не только краснофигурных вяз, но и чернолаковой посуды. Последнее обстоятельство позволяет отнести предметы, сосредоточенные в витр. № 4, к более позднему времени, т.-е. к III—II до Р. Х.

При детальном рассмотрении памятников сначала определяем уже знакомые предметы: бронзовые котлы на ножках, бронзовые наконечники стрел, бронзовые зеркала, псаии, золотой пластинчатый браслет (1 пл. сверху), серьги, привески треугольные золотые пластинки (2 пл. сверху); затем обращаем внимание на предметы, уже известные по технике (греко-варварской работы): золотой умбон, золотые горошчатые бляхи и овальные с изображением львов, очевидно служившие для украшения щита (1 пл. сверху); массивную бляху (поясную пряжку) из железа с крючком, обтянутым тонким листовым золотом с выдавленным изображением двух сражающихся всадников; отмечаем кинжалы, короткие с характерной рукояткой, имеющей у лезвия украшения в виде 2 лепестков. Рассмотрение перечисленных памятников подтверждает произведенные ранее заключения о зажиточности скифов, их воинственном характере и кочевом образе жизни. Далее сосредоточиваем внимание на глиняных изделиях (игрушках), изображающих баранчика, всадника, двухколесную крытую повозку, что особенно подчеркивает кочевой образ жизни данного народа.

Эти глиняные фигурки сопоставляем с терракотовыми статуэтками, изображающими фигуры людей в своеобразной одежде с остроконечным колпачком фригийского типа. Устанавливаем различие в трактовке фигурок и определяем варварский характер первых (игрушек) и чужеземный, по всей вероятности, греко-варварский характер последних.

Далее приступаем к детальному рассмотрению чертомлыцкой вазы (копии), отмечаем линии ее контура, расширяющиеся сверху и потом суживающиеся у горлышка, что придает вазе известную легкость, грациозность; это впечатление усиливается рельефами крыльев птиц и головкой пегаса, а также растительным орнаментом, который прекрасно заполняет

пространство. Оставляя пока в стороне бытовую сцену из скифской жизни, приступаем к рассмотрению рельефа с изображением грифонов, терзающих оленя. причем отмечаем символическое значение воспроизведенных групп: с одной стороны изображаются сильные царственные животные, в данном случае, грифон—по уорел. полулев, с другой стороны—олень, животное, типичное по своей слабости. Подобные группы искони применялись как в восточном, так и в греческом искусстве для прославления силы и несокрушимой мощи царственных владык.*) Наконец, сосредоточиваем внимание на рельефе с изображением бытовой сцены, детальное рассмотрение которой переносится на верх залы, где бытовая сцена представлена в развернутом виде. Здесь отмечаем ценность рельефа в композиционном отношении (расположение фигур, чередование групп в спокойном положении с группами в состоянии движения), указываем на оригинальность замысла, после чего приступаем к рассмотрению каждой отдельной фигуры. Сначала определяем породу, тип лошади: вольный степной скакун (фигуры пасущихся коней и умиряемых), прирученная лошадь, по типу схожая с киргизскими лошадьми, бородатая фигура мужчины спутывает ей ноги и, наконец, облагороженный конь, улучшенной породы, которого приучают ложиться, подгибая ему левую ногу и отворачивая ему голову вправо. Если позволяет зрение, отмечаем снаряжение коня, указываем на характерные псалии, наиболее заметные на усмирённой лошади киргизского типа. При рассмотрении отдельной мужской фигуры обращаем внимание на тип каждого лица, отмечаем возраст (бородачи и юноши) и одежду — коротенький кафган без воротника, запахивающийся справа налево и подпоясываемый

*) Фармаковский. „Золотые обитки налучий“, стр. 59.

узким поясом, широкие шаровары, короткие мягкие сапожки, которые по лодыжкам, а иногда и через под'ем перевязывались ремешками, отчего казалось, что на шароварах имеются штрипки. Отмечаем вооружение—неизменный горит—футляр для лука и стрел.

Все данные говорят за то, что изображены фигуры лихих наездников; и действительно, каждая мужская фигура так или иначе соприкасается с конем; лишь одна, центральная, как бы не имеет отношения к лошади, но при внимательном рассмотрении оказывается, что эта фигура мужчины одевается, приготавливаясь к верховой езде—еще не надеты башмаки, только что подтянуты ремнем шаровары, надевается кафтан.

После детального рассмотрения фриза, становится ясным, что фигуры лихих наездников изображают скифов за их повседневым обычным занятием.

Кульобская ваза вносит некоторые дополнительные штрихи к сделанным ранее выводам об одежде и занятиях скифов. Рисунок вазы можно рассматривать в иллюстрациях („Материалы по истории русской одежды“ Прохорова и „Книга для чтения по русской истории“ Довнар-Запольского). Здесь мы наблюдаем сцену из военной жизни, происходи шую, очевидно, тотчас после сражения: царь, которого можно узнать по повязке, с усталым лицом, опершись на копье, выслушивает донесения скифа, стоящего на коленях и облокачивающегося на щит; далее видим фигуру скифа, натягивающего на лук тетиву и имеющего с другого бока горит с воткнутым луком. Сначала кажется несколько странным, что данная фигура не имеет себе пары, но при подробном рассмотрении становится ясным, что этот скиф имел товарища, которого только что потерял в бою (другой лук). Следующие пары изображают скифов при оказании медицинской

помощи. Отмечаем детали одежды, которые трудно рассмотреть на Чертомлыцкой вазе: украшения бортов шафтанов и шаровар бляшками, характер царской повязки и украшения горитов. После рассмотрения Кульобской вазы вновь обращаем внимание на планшеты с золотыми украшениями, чтобы ярче и полнее воссоздать характер скифского одеяния. Чертомлыцкая и Кульобская вазы, говоря о высокой художественной технике чистого-эллинического искусства, еще раз подтверждают предположения о торговой связи варваров с греками.

Эти вазы были сделаны по вкусу и заказу, а, может-быть, и в угоду, в качестве подарка, скифским царям. Едва ли они служили для бытовых целей: их нахождение при погребении доказывает, что они предназначались для пользования в загробном мире. То же можно сказать и о мечях, которыми трудно было сражаться скифам—наездникам, и которые вкалывались в могилу, как амулет, как символ власти в потусторонней жизни.

Ни на Чертомлыцкой, ни на Кульобской вазах мы не имеем облика скифской женщины; некоторое воссоздание его может быть сделано по золотой четырехугольной пластинке из Кульобского погребения, служившей украшением каймы покрывала. На этой пластинке изображена сидящая женщина с зеркалом в руках, в одежде напоминающей рубашку, поверх которой накинута одеяние в виде телогрейки тоже с длинными рукавами. Головной убор женщины состоит из рода кокошника со спускающимися на плечи под верхнее одеяние длинным покрывом. Рассмотренные ранее браслеты (пл. 1 сверху), венчики, привески ожерелья, золотые бляшки, а также вольца и бусы, надевавшиеся на руки (2 пл. сверху), дополняют воссоздание облика скифской женщины.

Что же касается религии скифов, то из Геродота мы знаем, что они поклонялись нескольким божествам, среди которых Арес, бог войны, пользовался наибольшей популярностью. Храмов у скифов не было, не ставили скифы и больших кумиров, но только в честь Ареса воздвигались сооружения из хвороста, на которых водружались старинный меч. Из Геродота мы знаем, что у скифов были священные места и достопримечательности, все это находилось в Зап. Скифии, называемой Геродотом — „Древняя Скифия“, где следует искать Геррос, священное место погребения скифских царей. Скифы не считали, что жизнь человека кончается с его смертью, они верили в загробную жизнь, как продолжение земного существования. Для подтверждения этого переходим (встр. 1) к модели Кульобского кургана; сначала осматриваем внешний вид кургана, указываем на его пологость с одной стороны и крутизну с другой, потом приступаем к осмотру модели, причем отмечаем отсутствие окон — признаков жилого помещения. Для полноты иллюзии осматриваем стены и потолок залы, делаем заключение о характере помещения, после чего переходим к рассмотрению внутренней части склепа, отмечаем некоторые знакомые вещи (скифский котел, золотые предметы). Чтобы иметь возможность ориентироваться во внутренней части склепа, рассматриваем план погребения, находящийся внизу модели, причем каждую вещь, полагаемую покойному, восстанавливаем на основании проработанного материала. Картину погребения дополняем чтением отрывка из Геродота о погребении скифских владык.

„Гробницы царей находятся в Герросе, до которого Борисфен судоходен. По смерти царя там тотчас выкапывается большая четырехугольная яма; по изготовлении ее привозятся за покойника и воском покрывают его тело, но пред-

варительно разрезают ему живот, вычищают его и наполняют толченым купером, ладаном, сем нами сельдерея и аниса, потом спивают и везут в повозке к другому народу. Тот народ, к которому привозят покойника, делает то же самое, что и царственные скифы, именно: и там отрезают себе часть уха, стригут кругом волосы, делают себе на руках порезы, расцарапывают лоб и нос, а левую руку прокалывают стрелами. Отсюда перевозят труп царя к другому подвластному народу, между тем, как тот народ, к которому они приходили раньше, следует за покойником.

Об'ехавши, таким образом, все народы, царские скифы являются в землю отдаленнейшего подчиненного им народа — герров, где находится и кладбище. Здесь труп хоронят в могиле на соломенной подстилке, по обеим сторонам трупа вбивают копья, на них кладут брусья и все покрывают рогожей. В остальной обширной части могилы хоронят одну из его наложниц, предварительно задушивши ее, а также виночерпия, повара, конюха, приближенного слугу, вестовщика, наконец, лошадей, первенцев всякого другого скота и золотые чаши, — серебра и меди скифы совсем не употребляют; после этого все вместе устраивают большую земляную насыпь, прилагая особенное старание к тому, чтобы она вышла как можно больше“.

В результате проработки зала № 6 делаем заключения о скифах, как о народе, жившем на территории России в VI—II в. до Р. Х., как народе воинственном, кочевом, зажиточном, имевшем торговые связи с иностранцами и веровавшем в загробную жизнь своих умерших. Эта бытовая черта — культ умерших — дала нам возможность познакомиться с остальными чертами быта скифов кочевников, когда-то населявших пределы нашей родины.

Были ли скифы предками славянского населения, наука пока не в состоянии ответить: история скифов больше относится к истории нашей страны, чем к истории нашего народа*).

Н. Воскресенская

Библиография к экскурсии 3.

А.

- Краткий путеводитель по ист. музею. М. 1921 г.
Пр.-доц. Щербаков и Щербакова. Скифы. М. 1918 г.
Мищенко. «Скифы» статья в 30 т. Энци. слов. Брокг. и
Ефрона.
Геродот. История в девяти книгах. Пер. Мищенко. Т. II,
книга V. М. 1886 г.

Б.

- Забелин. История русской жизни с древнейших времен.
Т. I, гл. II, стр. 202—261 и в приложении «Древняя
скифия в своих могилах», стр. 613—647. М. 1876 г.
Фармаковский. Золотые обивки наличий из Ильинского и
Чертюмлыцкого курганов. СПб. 1911 г.
Лаппо-Данилевский. Скифские древности. СПб. 1888 г.
Прохоров. Материалы по истории одежды и обстановки
жизни народной. СПб. 1881 г.
Городцов. Бытовая археология, стр. 345—360. М. 1910 г.
Миллер. Черты старины в сказаниях и быте осетин. Жур.
Мин. Нар. Пр. 1882 г., XVII.

*) В. Ключевский. Курс русской истории ч. I, лекция VII.

4. Языческая Русь.

По свидетельству летописи славяне, придя с Дуная или вернее из-за Карпат, расселились по бассейнам рек Днестра, Западного и Южного Буга, Днестра и его притоков, Верхней Волги и Оки, Западной Двины и озера Ильмен. В момент расселения (VII—VIII вв. н. э.) славяне разделены были на несколько племен, и летописец точно указывает, где осело то или иное племя. Наиболее культурными были, по словам летописца, поляне, первыми принявшие христианство. Гораздо более отсталыми являлись другие племена: „и радимичи, и вятичи, и северяне один обычай имяху: живяху в лесах, якоже (и) волкый зверь, ядуще все нечисто—аще кто умряше, творяху тризну над ним и посемь творяху кладу велику, и в'ложашут и на кладу, мертвеца сожъжаху, и посемь собравше кости вложашу в судину малу. Си же творяху обычая кривичи (и) прочии поганни, не ведуще закона божия, но творяще сами себе закон“.

Зал VIII. Археологические раскопки дали возможность
Модели курганов. пополнить и проверить данные о быте славян, которые имелись в летописи и в сочинениях византийских и арабских писателей. Таковыми раскопками, например, являются раскопки Гнездовского могильника в 8—9 верстах от Смоленска, месте поселения кривичей. Начнем обзор с осмотра моделей четырех курганов, помещенных с левой стороны у окна. С внешней стороны курганы представляют из себя полушарообразной или несколько вытянутой формы холм, заросший травой и окруженный канавой. (На модели не представлена). Зайдем за витрину и рассмотрим первый курган. Насыпь кургана, состоящая из песка, перемешана с мелким гравием и булыжниками—валунами для придания ей большей устойчивости. На некотором расстоянии от подошвы

кургана, на поверхности посыпанной песком, покрасневшим от горячей золы и угольев, заметны обгоревшие бревна от костра, уголья, пепел, кости и обломки каких-то вещей. Высокий глиняный горшок—урна поставлен недалеко от костра. Между моделями курганов стоят той-же формы настоящие урны с жженными костями покойника. Погребение происходило путем трупосожжения, при чем не сгоревшие кости собирались в сосуд и ставились рядом с костром. В третьем кургане бревна от костра лежат с правой стороны, обломки же урны и вещей видны вместе с пеплом на левой стороне кургана—сожжение в данном случае происходило на одной стороне кургана, урна же с жженными костями ставилась на другой, куда переносился и пепел. В четвертом кургане мы совсем не видим остатков от костра, под пеплом песок совершенно белого цвета, не покрасневший от огня—сожжение покойника происходило где-то вдали, так что уголья и зола, перенесенные на курган, успели по дороге остынуть. Из трех глиняных горшков два—типа урн—содержат жженные кости покойника. „Данный курган представляет случай сложного погребения, когда новая урна со жженным прахом вставлялась в верхнюю часть кургана, уже хранившего прах ранее умершего родственника“*). Третий горшок, плоской формы совсем под дерном, наполненный каким-то клейким веществом, представляет сосуд с пищей, принесенной покойнику во время трапезы.

Вернемся ко второму кургану. Замечаем, что одна его сторона крутая, другая же—отлогая—служащая всходом на курган. Продолжением всхода является тропинка через ров, (не изображена на модели). При этом замечено, что все линии всходов на курганы имеют направление на юг. „При

*) Эта выдержка, как и все дальнейшие, взяты из книги Сизова, Гряздовский могильник.—Материалы по археологии России, в. 28.

определении их по компасу замечено, что они сходятся в городище, как радиусы в центре". Городище это квадратной формы (модель его в музее не представлена), окруженное валом, находилось на берегу Днепра при впадении в него небольшой речки. Наличие городища и большое количество курганов (несколько тысяч), при чем главная часть могильных занимает площадь 4 версты $\times$ $\frac{1}{4}$ версты, указывает на длительное пребывание населения на одном месте, т. е. на его оседлый образ жизни и на большую населенность данного пункта.

3-я витрина. Кроме урны и костей в курганах найдено много разных вещей, большинство которых помещено в 3-й витрине той же залы. Начнем обзор витрины с правой стороны. На верхней полке (1 планшета справа) мы видим четыре железных стрелы, на 3-й же полке сверху — железную стрелку более изящной формы. Если последняя служила для военных целей, то первые могли употребляться для охоты. Охотничий промысел обитателей Гнездова вполне естественен при обилии леса у верховьев Днепра. На 1-ой же план., какой-то предмет на подобие щипцов в сломанном виде, на 2-ой полке тот же предмет целый. Это — ножницы-стригили, употребляющиеся до сих пор для стрижки овец, служили, вероятно, для той же цели обитателям Гнездова. Наряду с охотой, существовало и скотоводство, в частности овцеводство и даже изготовление шерстяных тканей. В самом низу витрины видна голова какого то рогатого животного и кости других животных, сожженных вместе с покойником. Следовательно, скотоводство не ограничивалось овцеводством. Ниже (4 пол. 2 планш. слева) видны стремяна, говорящие о приручении лошади. На 5 ой полке (1-я планш. справа) большое количество железных скобок или закрепок — состоящих из ромба и кружка, соединенных между собою стержнем. Такого рода гво-

зди, найденные в одном кургане до трехсот штук, расположены были кучками по направлению длины огнища с Ю-З. на С.-В. Сопоставление этих данных с описаньем арабского писателя Ибн Фадлана говорит за сожжение покойника в лодке. Нужда в большом количестве лодок для погребений говорит за их вероятное местное производство и за знакомство обитателей Гнездова с судоходством. На той же полке (2-я планш. справа) представлены железные обоймицы или скобочки разной величины с одним или двумя шипами. Они попадаются обычно по несколько экземпляров в одном кургане. Эти скобочки привязывались, как предполагают, к ногам для лазанья по деревьям с целью добывания меда из бортей. В таком случае они говорят нам о занятии обитателей Гнездова лесным пчеловодством—бортничеством. Бросим взгляд на всю витрину и мы заметим кроме рассмотренных нами еще много металлических вещей—молотки, гвозди, шейные гривны, кольца у каменных точильных брусков, ножи. „Большая коллекция Гнездовских ножей (4-я полка, 1-я и 2-я планш. справа) поражает однообразием своих форм и разнообразием размеров, приспособленных к местным потребностям“. Стальные огнива (5-я пол. 2-я планш. справа), за исключением одного, представляют также однообразную форму и сохранились до сих пор не только в северной, центральной, но и южной России“. „Железные вещи, служившие ежедневным практическим целям обитателей Гнездова, являются предметами местного производства и отличаются при этом значительным мастерством“. Вспомним обилие глиняных горшков, попадающихся в каждом кургане и заглянем внизу вглубь в тринны, там стоят горшки той-же высокой формы—типа урн, и низкие, более приземистой формы, подобно горшку вверху кургана под самым дерном. Все высокие горшки украшены орнаментом в виде параллель-

ных вдавленных линий или волнистого узора. Форма горшков и самый узор являются излюбленными в России до настоящего времени. Обилие посуды, однообразие форм и орнамента, бытующих до сих пор в народе, указывают, что гончарное ремесло было в Гнездове кустарным народным промыслом; характер же орнамента и стройная форма сосудов говорит за знакомство обитателей Гнездова с гончарным кругом.

3-я витрина. Подойдем ближе к левой стороне той же третьей витрины. На 3-ей полке нам бросаются в глаза три предмета—чашка, тарелка и какой-то бронзовый предмет с двумя отверстиями и лицевым изображением. Обратим внимание на черты лица „продолговатые миндалевидные глаза, длинный, тонкий, слегка заостренный к концу нос, маленькие губы, густые брови и волосы над лбом, образованные параллельными линиями,—все это говорит нам о восточном типе лица. „Важным признаком известного вкуса является украшение носа посредством вставления с одного бока бирюзы“. Бирюза была любимым камнем Персии, и в персидских рукописях мы встречаем изображения женщин, носы которых украшены именно бирюзой. „Самый же предмет по своей форме напоминает бронзовые восточные лампочки“. Тарелка и чашка сделаны из сильно очищенной, беловатого цвета глины, отличной от глины обычной Гнездовской посуды. Украшение тарелки чудовищем в виде дракона с распростертыми крыльями и чешуйчатым хвостом указывает вновь на восток, с его любовью к изображению чудовищ. „Изображение отличается свежестью и характерностью стиля, прекрасным рисунком, сделанным свободно, привычной к стилизации рукой“ и не может быть продуктом местного производства. На той же полке (1-я планш. слева) две привески, в форме полумесяца—лунницы, типичные для востока. Бронзовые бляшки в витрине очертаниями своих форм напоминают раз-

резы гранатных яблок. На третьей же полке (1-я планш. слева) большое количество серебряных монет, целые и половинки с восточною надписью—это арабские диргемы. Ниже (5-я полка, 2-я планш. слева) монета Василия Константина—монета в зантийская. Итак, можно установить два торговых пути: на восток к арабам и в Персию, вероятно, по Волге и Каспийскому морю и другой по Днепру в Византию. На 5-ой полке (2-я и 4-я планш. слева) небольшие бронзо-

4-я вые чашечки неизвестного назначения. Заглянув на **витрина.** другую сторону (четвертая витрина, полка 1-я, планш, справа), мы увидим те же чашечки, как части небольших весов. Размер весов и лежащий посредине арабский диргем указывают, что весы эти служили для взвешивания монет; монеты эти имели хождение как в целом виде, так и в виде обрешков, подобных уже виденному нами. Часто встречающееся в Русской Правде наименование резана подтверждает наше предположение.

3-я Кроме отдельных диргемов мы видим (3- **витр.** **витрина.** 3-я пол., 3-я планш. справа) целую грудку из семи с половиной диргемов, слившихся вместе,—это уже известное сбережение, капитал. Найден этот клад при раскопке большого кургана вместе с другими серебряными вещами и красивыми застежками, украшенными орнаментом. На той же планшете тонкий, железный предмет с двойной бородкой, в

4-я виде змейки,—это ключ, встречающийся до сих **витрина.** пор в крестьянском быту. К этим двум предметам можно присоединить еще небольшую скобочку (4-я витр., 1-я пол., 3-я планш. слева) от емную на колечках, вероятно, от небольшой шкатулки, служившей для хранения денег или драгоценностей. Эти три предмета указывают на неравное имущественное положение жителей Гнездова и на выделение из их среды наиболее зажиточной, вероятно, торговой части населения

Какой же характер носили торговые поездки русских купцов в Персию или Византию? По описанию византийских писателей многовещельные лодки целым караваном спускались в июне месяце по Днепру. Они с трудом проходили Днепровские пороги и приближались, наконец, к наиболее опасному. Пройти его по воде не было возможности. Все вытаскивается на берег, и на протяжении нескольких верст лодки волокутся по земле или перетаскиваются на руках. В этот тяжелый момент из-за холмов показываются печенег, они с шумом и криком осыпают купцов градом стрел — начинается ожесточенный бой. Для защиты от печенегов купеческий караван сопровождался всегда отрядом вооруженных

3-я людей. Некоторые части вооружения мы видим в витрина. 3-ей витрине — на нижней полке лежит шлем, возле него кольчужная завеса из железных колец, испорченная огнем. Влево от шлема — несколько штук железных блях. Одна из них была найдена при раскопках, в центре круга, радиусом в $\frac{1}{2}$ метра. Круг состоял из железных скрепок или обоймиц, в виде согнутых вдвое пластинок. (3-я пол. 2-я планш. справа). В одной из пластинок сохранились гвоздики на концах, и между ними кусочек дерева. Это обоймицы от деревянного щита с железной бляхой — умбоном в центре. На той же полке расположено несколько хорошо выкованных мечей и копьев. На планшете (4-я пол., 3-я планш. справа) представлены отломанные верхушки от таких же мечей. На другой планшете (2-я планш. слева) прикреплены два копья и бляха, найденные вместе со стрелами. Обилие вооружения и самая сложность его указывают на выделение из среды обитателей Гнездова особой группы, специально военной или военно-торговой. При сравнении Гнездовских мечей со снимками с мечей, найденных в Скандинавии и Прибалтийских странах, заметно полное сходст-

во²⁾): тот же размер меча с рукоятью, состоящей из перекрестья, надетого на черенок у самого основания клинка и двух других частей, подвижной, напоминающей своей формой перекрестье и неподвижной, заканчивающейся закруглением. То же сходство заметно и в копьях и в форме щита. В той же витрине мы замечаем в большом количестве, и скорлупообразные бляхи—фибулы, (5-я пол., 3-я планш. слева) употреблявшиеся нормандскими воинами, как застёжки для плащей. Самые формы для отливки таких фибул найдены на острове Готланде. Большое количество вещей скандинавского типа, преимущественно военного характера указывает на оживленные сношения со скандинавскими странами или, вернее даже, на присутствие скандинавских воинов среди обитателей Гнездова. Возможно, что в их лице мы имеем как раз тех варяжских дружинников, о которых говорит летописец.

Итак, население Гнездова отличалось оседлым образом жизни—наряду с занятиями охотой, рыболовством, лесным пчеловодством и земледелием, не имевшим в Гнездове большого значения (находка серпа лишь в одном кургане—4-я витр., 4-я пол., 1-я планш. слева), широко были развиты кузнечное, гончарное ремесло, изготовление лодок и производство шерстяной ткани. Большое значение в жизни Гнездова играла и торговля. Среди обитателей Гнездова выделялась наиболее богатая, военно-торговая часть населения, в среду которой входили и варяжские дружинники.

Эти наши выводы противоречат характеристике кривичей, данной в летописи—они живут не в лесах, „якоже и всякий зверь“, хотя погребение у кривичей и совершается путем

²⁾ Для демонстрации снимков можно использовать „Песнь о Вещем Олеге“ с разбором баллады И. К. Линдемана, издание т-ва Левинсон.

трупосожжения, как это правильно и дано в летописи. Причину неправильного освещения быта кривичей и вообще славян в летописи можно отчасти объяснить критическим отношением летописца-христианина к язычникам.

Проверим наши выводы о жизни славян на находках из другого кургана под названием „Черная Могила“ в Чернигове—области заселенной северянами. Для этого перейдем

Зала V в залу № V к круглой витрине № 10. В центре витрины витрина 10. выделяется шлем, около него остатки славянской кольчуги; на планшете рядом несколько сильно окислившихся мечей, той же формы, как в Гнездове. Близ мечей два раславившихся копья той же Гнездовской формы; над мечами и копьями стремя. Все эти вещи носят ясные следы огня—мы имеем в данном кургане погребение воина. Погребение совершено по типу трупосожжения. Наличие стремья (над мечами и на противоположной стороне витрины) так же как и лежащие здесь каракули, бросавшиеся во время боя под ноги лошадям врагов, говорят за то, что покойный воин был всадником. На той же планшете рядом с же елым молотком два железных ключа, в ф рме лопаточек и третий с двумя бородками. Сопоставление этой находки с величиной кургана, (180 арш. в основании и 15 арш. в высоту), говорит, что мы имеем здесь дело с очень богатым человеком, а может быть, даже и правителем города Чернигова, судя по народному преданию: предание говорит, что здесь похоронен князь Черный, основатель г. Чернигова. На рассмотренной уже планшете рядом с ключом лежит серп или коса—указание на занятие земледелием. Как можно предположить, для обработки земли богатым воином был использован подневольный рабский труд. Левее представлен ряд планшето с обгорелыми костями крупных и мелких животных и птиц, сожженных вместе с покойником. На са-

мом верху планшетки ряд бараньих позвонков—альчиков—игральных костей. Налево от шлема на планшетке три небольшие серьжки, бусы от ожерелья и др. украшения, в виде бронзовых колец. Сопоставление этих женских украшений с находкой в кургане женских костей позволяет предположить насильственное сожжение женщины вместе с покойником. Обилие в кургане необходимых при жизни вещей говорит за то, что славяне рисовали себе загробную жизнь на подобие земной. На одной из планшеток видны два турьих рога, в серебряной оправе, украшенной искусным рисунком. Рога эти не носят никаких следов огня и были положены после сожжения покойника, во время трапезы, подобно горшку, под самым дерном в Гнездовском кургане. Тогда же попала сюда и маленькая бронзовая статуэтка языческого божка. Живые часто собирались на могилах, совершали трапезу, пили вино из турьих рогов и кликали умерших родственников.

Зала IV. В IV зале находится картина Семирадского картина „Похороны Русса“. Она написана на основании „Похороны Русса“. данных, приводимых арабскими писателями. На костре, у берега реки поставлена богато убранная лодка. Покойника в богатой одежде посадили в лодку. У ног покойника его военные доспехи, убитые домашние животные. На борту лодки сидит девушка, согласившаяся пойти с покойным в загробный мир; она прощается со своими подругами. Сзади нее старая женщина, с ножом в руках—ангел смерти—она должна убить девушку. К костру с факелом в руках приближается родственник умершего. На картине, следовательно, представлен тот же обряд трупосожжения в лодке, с которым мы уже познакомились по материалам раскопок. Письменными источниками подтверждаются и наши выводы о взгляде славян-язычников на загробную жизнь, как на про-

должение земной. В эту загробную жизнь за покойным следуют, как это уже нам известно по предметам, найденным в курганах, не бходимые вещи, домашние животные и иногда жена или девушка, давшая свое согласие на смерть.

И. Казан.

5. Киевская Русь.

Введение. Долгое время религия славян состояла в обоготворен и явлений природы и предков. Погребение носило характер группосожжения. С течением времени под влиянием соседних стран часть населения, еще до официального крещения Руси в 988 году, начала принимать христианство. В договоре Игоря от 945 г. упоминается соборная церковь св. Ильи. Существование соборной церкви говорит о значительном количестве христиан в Киеве. О столкновении язычников с христианами в первые годы царствования Владимира Св. мы узнаем из летописи. Христианкой, наконец, была княгиня Ольга, жена Игоря.

Зала VII. Для решения вопроса о том, откуда пришло к нам христианство, мы осмотрим стены залы, украшенные целым рядом священных изображений: Христа, христианских святых, таинства Евхаристии. У стены стоят две гробницы с изображенными на них христианскими символами — виноградной лозой, рыбой и голубем. Все это позволяет отнести памятники этой залы к христианскому времени. На таинстве Евхаристии и других священных изображениях видны греческие надписи. Над входной дверью помещены слепки с высеченных на камне греческих букв. Это говорит о влиянии греков на славян в области религии. На полках, справа и слева от входной двери, лежат 6 каменных капителей от колонн Киево-Софийского собора. Капители эти имеют форму куба

и украшены равноконечными крестами с расширениями на концах. Той же формы кресты и на правой гробнице. Сравним эти капители и кресты с теми же предметами в Херсонесской зале (Херсонесс входил в это время в состав Византийской империи).

Зала В. У выходной двери против окна лежат такие же капители.

Витр. 3. В витрине равноконечные литые кресты и наряду с ними — кресты-складни. Совпадение форм подтверждает наш вывод об оживленных сношениях с Византией и религиозном влиянии Византии на Русь в период принятия христианства и построения храмов.

Зала VII. Возвращаемся в VII. залу. Примем во внимание, что священные изображения Киево-Софийского собора исполнены из мозаики, греческие надписи находятся на стенах собора. Мозаические кубики могли, конечно, привозиться из Византии, но создано все это было на месте в Киеве. Греческие мастера, следовательно, приезжали из Византии, жили и строили храмы на Руси. Это подтверждается и летописью, где говорится про Ярослава: „послав, приведе мастеров от грек“. Какого же рода храмы строили греческие мастера? Слево от входа висит план Киево-Софийского собора: средняя часть — постройка времени Ярослава — представляет из себя квадрат с пятью алтарными полукружиями — абсидами. Внутренность храма разделена столбами на 5 кораблей. Того же характера и план более древней Десятинной церкви в Киеве; лишь вместо пяти абсид здесь три, — им соответствует и внутреннее деление храма на 3 корабля. Единый квадрат и полукружия абсид — все говорит о каменной кладке. То же самое подтверждают и мраморные капители колонн. В витрине кирпич квадратной формы, из кото-

5. Витр. рых был сложен фундамент древней Десятинной

церкви. При раскопках Десятинной церкви найдены были и мраморные квадратные плитки, составлявшие мозаику пола.

3. Витр. В 3-й витрине представлен целый ряд крестов, большей частью кресты складни; на них выпукло-литые, нарезные и исполненные цветной эмалью изображения. Вспомним той же формы кресты-складни в Херсонесской зале, украшенные, подобно Киевским, на лицевой стороне изображением распятия. Кресты притекали на Русь из Византии или вырабатывались греческими мастерами в Киеве. Наряду с крестами видны круглые литые образки из бронзы — змеевики, названные так потому, что на их обратной стороне изображена человеческая голова с исходящими из нее змеями. Народные верования в змей распространены были в Византии. Это позволяет сделать вывод, что змеевики прибыли на Русь также из Византии.

На одном из змеевиков в той же витрине наряду с греческой надписью видна церковно-славянская: „Господи, Зала VIII. помози, рабу своему Василию“. Перейдем в следующую залу. На правой стене изображение таинства Евхаристии из Киевского Златоверхого Михайловского монастыря, основанного в 1108 году. То же расположение фигур, как и в Киево-Софийском соборе: так же дважды по сторонам престола представлен Христос, ему прислуживают два ангела-инодиакона, держащие рипиды условной формы звезды; с двух сторон к Христу подходят апостолы. Нет лишь кивория над престолом. На изображении из Михайловского монастыря помещена уже не греческая, а церковно-славянская надпись. Наличие церковно-славянских надписей говорит нам, что в конце XI или начале XII века к целому ряду работ привлечены были славяне, киевские ученики греческих мастеров. Справа от таинства Евхаристии на стене гипсовый слепок, стая называемого Тьмутараканского камня с

надписью на церковно-славянском языке. На стене у входной двери представлена увеличенная копия с титульного листа Изборника Святослава от 1173 года. Изборник написан на церковно-славянском языке и представляет из себя нечто иное, как перевод с Изборника царя Симеона Болгарского. Присоединим к этому уже рассмотренные нами надписи на змеевике и на таинстве Евхаристии,—все это позволяет сделать вывод, что к половине XI века среди славян начала распространяться грамотность и появились книги, переведенные с болгарского и греческого языков. Вывод подтверждается и летописным указанием о Князе Ярославе „и книгам прилежа и собра писце мнози и прекладаша от грек на словенский язык“.

2 Витр. Перед нами встает вопрос, сказалось ли влияние христианства в народной жизни? Для решения этого вопроса мы подходим ко 2-й витрине в той же зале. Бросим взгляд на правую ее сторону. На ряде планшеток кресты (3 пол. 1, 2, 3 план. 2 пол. 3 план. справа и др). Большое количество крестов говорит за то, что покойники были христианами. Вещи, добытые из курганов, не несут никаких следов огня, следовательно, трупосожжение сменилось под влиянием христианства простым погребением. Но на модели погребения (в самом низу витрины) по сторонам костяка видны кучки угля и пепла, весь остов также посыпан пеплом—это пережиток бывшего трупосожжения; на груди покойника ожерелье. Кроме того, целый ряд вещей, вынутых из курганов помещен на полках. Несмотря на принятие христианства, продолжал существовать языческий обычай погребения в курганах, причем покойника попрежнему сопровождали украшения и предметы домашнего быта. Влияние христианства не проникло глубоко в народную среду.

На 4-й пол. (2 и 3 план. слева)—целый ряд уже зна.

комых нам предметов: наконечники стрел для охоты, стригили для срижки овец, железные топоры, ножи, обломок глиняной посуды; на одной из планш. (пл. 2 слева) несколько небольших глиняных пряслиц, на другой планш. (та же полка 1 пл. справа)—6 пряслиц из красного шифера. Наличие пряслиц указывает на развитие ткацкого промысла. Осмотрим другую сторону витрины. На городище близ Киева (4 пол. пл. 1-4 слева) найдены двоякой формы

1 Витр. серпы, огниво, большие удильные крючки для крупной рыбы и ножицы современной формы. Перечисленные вещи говорят о том, что занятия населения остались те же, какие были и в предыдущую эпоху, а именно: охота, скотоводство, рыболовство, земледелие, кузнечное, ткацкое и гончарное ремесла. Наличие замков (4 пол. 3 пл. слева) с одной стороны и серег из бронзы (3 пол. 3 пл. слева) и серебра (1 пол. 2 пл. слева) и даже золота—с другой (последние можно видеть в витрине 7 залы) говорит о социальном расслоении населения. Это еще более подчеркивается находкой клада в Черниговской губ. (1 пол. 1 и 2 план. слева). Вещи клада обнаружены были сложенными в железной сковородке,—вероятно, они принадлежали одной семье. В состав клада входят серебряные с чернью перстни, браслет из серебряных полуцилиндров и серебряные серьги в виде колодочек с черневыми украшениями. Такого рода серьги—колты носились около уха под волосами. В узкую щель этих серег под верхней дужкой зажимался кусок хлопка, напитанного душистым маслом. (Кондаков Рус. клады. 196).

На полке лежат бронзовые витые гривны, не разрубленные на части. Это указывает, таким образом, на местное их производство. Обратим внимание на следующий факт. В местностях, заселенных северянами, найдены преимуще-

ственно височные кольца из спирально завитой проволоки (2 пол. 2 пл. справа). В местностях к северу от реки Припяти обнаружены в большом количестве медные и серебряные бусины, покрытые грубоватой зернью (5 пол. 1 пл. слева). Наконец, у радимичей мы встречаем семило-

2 Витр. пастиные височные привески, у которых лопасти киязу суживаются (1 и 2 пол. 2 пл. справа) Наличие не отделанных витых привесок и вещей, выявляющих местные вкусы, указывает на производство некоторых предметов украшения на месте. На 4 пол. (3 план. справа) 3 чеканных монеты Владимира Св. и рядом с ними чеканные, но еще не обрезанные монеты. Они говорят за то, что при Владимире Св., наряду с производством предметов украшения, появилась и монета собственной чеканки.

Модели зда- Перейдем к стойке под таинством Евхаристии.
ний. На левой ее стороне стоит модель какого то здания. Наше внимание привлекают горны и печи специального устройства. Повидимому, это — мастерская. Недалеко от горнов были найдены „буски разноцветной эмали двух видов, легковесной и тяжеловесной, тигли из огнеупорной глины, каменные формочки, служившие для отливки котлов, колец, браслетов и складных крестов (Хвойко. Древние обитат., стр. 71) *). Это мастерская ювелирных и эмалевых изделий и эмалевого производства. На правой стороне той же стойки представлена модель прямоугольного здания. Фундаменты его сооружены из красного кварцита, сложенного на известковом растворе. Стены верхнего этажа, начиная от уровня земли, сложены из тонкого кирпича. Среди строительного мусора, покрывавшего фундамент, попались

*) Желательно показать снимок формочек. Его можно сделать по рисунку в книге Кондакова „Русские клады“, стр. 144.

обломки карнизов и части дверных наличников из мрамора и красного шифера. Найдены здесь также куски фресковой росписки и разноцветные камешки мозаики. Характер строительного мусора говорит о богатстве этого здания, судя по плану, несомненно,—гражданского характера. Здание это, открытое на высоком берегу Днепра, находилось вблизи Десятинной церкви, считавшейся при Владимире Св. церковью придворной. Среди мусора обнаружена глиняная плита с изображением геральдического знака, встречающегося на монетах Владимира Св. Это, вероятно, дворец времен Владимира Св. Полученный вывод подтверждается отчасти и летописью, сообщающей, что за Десятинной церковью стояли две статуи и 4 бронзовых коня, привезенные Владимиром из Корсуни. Статуи эти были поставлены им, возможно, близ своего дворца.

7 Зала. Перейдем вновь в 7 залу. В 4 витрине с ле-

4 Витр. вой стороны в лоточке лежит большое количество копий с серебряных монет X—XI в. в. с именами князей. Чеканка монеты, начатая Владимиром Св., продолжалась при его преемниках. Правее на планшете серебряный браслет или, вернее, „наруч“ „с позолотой по каймам и бляшкам и с резьбой. В верхнем поясе браслета на фоне, заполненном первоначально сплошь чернью, помещены итицы, грифы“. (Кондаков Рус. кл. 142), ниже браслета „пара серебряных сережных подвесок в виде колодки. Бляшки подвесок, набитые сначала пунктиром, залиты сплошь чернью, затем контуры вычищены из-под черни, которая составила, таким образом, фон (там же стр. 142). Перстень на этой же планшете украшен орнаментом, наведенным чернью. Кроме работ чернью в Киевской Руси, судя по целому ряду находок, были распространены и изделия из разноцветной эмали (образцы таких работ в музее не представлены). Дру-

того рода работы, крест формы стилизованной птички (лоток рядом). Крест сделан из золотой сученой нити, расположенной ажурно. Несколько выше в середине витрины над планшечкой—каменная формочка для отливки дротов с посаженными на них бусинами. В формочке „воспроизведены сканные жгуты, представлено нарезками оплетение дрота в промежутках между насаженными бусами,—подражание сканной работе доведено до мелочей“ (Кондаков. стр. 143)—это формочки для отливки, очевидно, дешевых медных или бронзовых серег, изготовлявшихся в подражание золотым или серебряным, исполненным сканью и бывшим тогда в моде.

Величина киевских храмов, существование монеты собственной чеканки, богатое убранство дворца, наличие мастерских ювелирных изделий,—все говорит за то, что Киевская Русь XI-XII в. в. отличалась богатством и могуществом. Каковы же были причины гибели Киевской Руси? В глубине той же витрины стоит глиняный горшок. Несколько

5 Витр. таких горшков помещено и в 5-й витрине. В них и найдена большая часть драгоценных вещей, помещенных в этих витринах. Это—клады. Такого рода клады найдены в большом количестве в Киеве и целом ряде других, в особенности, южных городов. Наличие кладов указывает на тревожное время, переживаемое Киевской Русью. Это действительно так; письменные источники говорят, что с середины XII в. усиливаются нападения на Киевскую Русь степных кочевников. У стены под планами церкви висит рукопись—житие Бориса и Глеба, напоминающее нам о целом ряде княжеских междоусобий, которыми была так богата Киевская Русь. Нападения степных кочевников засорили торговые пути Киевской Руси и подрезали ее торговые сношения с другими государствами. Постоянные нападения

степняков, упадок торговли и княжеские междоусобицы были внешними причинами падения Киевской Руси и перехода центра государственной жизни на с. в.—во Владимиро-Суздальскую Русь. Кроме внешних были и внутренние причины, которые обусловили гибель Киевской Руси. Для выяснения последних нужно обратиться к письменным источникам

И. Каган.

Библиография к экскурсиям 4—5.

А.

Забелин. История русской жизни с древнейших времен.
Часть II. М. 1912 г.

Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства.
Т. I. Киев, 1911 г.

Б.

Сизов. Гнездовский могильник. Материалы по археологии
России в. 28.

Самонвасов. Черная могила. Тр. III арх. съезда.

Козловская. Славянские курганы и городища, как исторический источник. Арх. сборник К. В. Ж. К. Киев, 1917 г.

Толстой и Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вв. IV и V.

Кондаков. Русские клады. Т. I. СПб. 1896 г.

Завитневич. Из археологической поездки в Приплетское Полесье. Чтения в Общ. Нестора Летописца. Вв. IV и V

- Макаренко.** Материалы по археологии Полт. губ. Тр. Полт. Ученой Архивной Комиссии. В. V. Полтава, 1908 г.
- Ефименко.** Радимические курганы. (записки Имп. Р. Арх. О-ва. Т. III, вв I и II. СПб. 1896).
- Хвойко.** Древние обитатели среднего Приднепровья. Киев, 1913 г.
- Древности Приднепровья.** Собрание Ханенко, вв. V и VI. Киев, 1902 г.
- Михайловский.** Русское искусство в эпоху Влад. Св., Петр. 1916 г.

О г л а в л е н и е

	Стр.
Предисловие	III.
Культурно-исторические экскурсии <i>Н. А. Гейнике</i>	1
Экскурсии по историческому музею	43
1. Жизнь человека на русской равнине в каменный период <i>С. Гарелиной</i>	45
2. Эпоха бронзы <i>А. Белоусовой</i>	55
3. Быт скифов на территории Южной России <i>Н. Воскресенской</i>	65
4. Языческая Русь <i>И. Каган</i>	78
5. Киевская Русь <i>И. Каган</i>	88

СОДЕРЖАНИЕ II и III частей

„Культурно-исторических экскурсий“:

Часть II.

6. Начало Москвы. О. Яцунская.
7. Кремль — средневековая крепость. О. Яцунская.
8. Рост власти Московских государей по памятникам Кремля.
Т. Игнатова.
9. Быт XVII века. * * *.
10. Москва — посад. С. Гарелина.
11. По слободам XVII века. Е. Дракохруст
12. Новодевичий монастырь. Т. Игнатова.
13. Культурный перелом конца XVII века. Н. Гейнике.
14. Общество XVIII века по портретам Румянцевского музея.
Н. Гейнике.
15. От вельможи к барину. Э. Быковская.
16. По дворянской Москве. И. Шитц.
17. В дворянском доме 40-х годов. Е. Александрова.
18. По купеческой Москве. Е. Козьмина и В. Натансон.

Часть III.

19. Пейзаж Москвы. Н. Гейнике.
20. По Остоженке. Л. Случевская.
21. Три экскурсии по Донскому монастырю. Б. Кафенгауз.
22. Кусково. О. Митбрейт.
23. Останкино. Е. Романовская.
24. Архангельское. М. Себенцова.
25. Никольское-Урюпино. З. Базилева и Е. Зеленецкая.
26. Заупокойный культ в Древнем Египте. А. Бакушинский.
27. Из истории античной культуры. А. Бакушинский.
28. Культура эпохи Возрождения О. Ротберг.